

18+

Олеся Градова

ТАНЕЦ С ЖИЗНЬЮ

Трактат о простых вещах

Олеся Градова
Танец с жизнью. Трактат
о простых вещах

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=56557158
ISBN 9785005110596*

Аннотация

Твое alter ego, родившееся в сети, заявляет о своих правах. Созданная тобой реальность, которая существовала только для того, чтобы убежать от себя, становится твоей действительностью, а virtual ego обретает власть над своим создателем. Искать принца, а найти дьявола в человеческом обличье, жаждать космической любви, а обрести вселенское одиночество – все это вполне удастся главной героине, вокруг которой закручивается водоворот необычайных событий.

Содержание

Посвящение	5
Об авторе	7
Пролог	8
Глава 1. Поиск смыслов	10
Точка отсчета	12
Суфизм	19
Азали	29
Crazy Seasons	34
Встреча на Патриарших	40
Договор	54
Глава 2. Пробуждение	63
Три недели назад	63
Измена	74
Первое свидание	85
Танец «Пробуждение»	98
Глава 3. Надежда	100
Первая ночь	100
Нирвана	107
Еще один шаг	111
Танец надежды	123
Самиздат	124
Конец ознакомительного фрагмента.	130

Танец с жизнью

Трактат о простых вещах

Олеся Градова

© Олеся Градова, 2020

ISBN 978-5-0051-1059-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Посвящение

Появлению этой книги я обязана многим значимым для меня людям — Яну, Алене Андреевой, Азали, Саше Булатову и Инге Летинской, которая была для меня своего рода проводником — именно она познакомила меня с Азали, благодаря ей я встретила Яна. В жизни каждого человека есть такие люди — сталкеры, которые проведут вас через зону отчуждения, могут находиться рядом много лет, а могут лишь встретиться на развилке дороги, указать путь и исчезнуть. Я благодарю судьбу за встречу с Мединой, у которой в романе нет имени, и даже здесь я вынуждена его изменить. Это была точка поворота, момент экзистенциального выбора. Только благодаря всем вам мне удалось не только пережить это путешествие в Преисподнюю, но и продолжить свой Танец.

Я записала эту историю в 36 лет, по живым воспоминаниям, каким-то чудом издала книжку в мягкой обложке и постаралась все забыть. Несколько переданных издательством авторских экземпляров пылились на антресолях, а сам тираж канул в развалах книжных магазинов. Через десять лет она вновь позвала меня и я вернулась к тексту. Видимо что-то осталось недосказанным. Да и вообще захотелось перетряхнуть файл и выкинуть все ненужное, оставив «нетленное». Поэтому книга, которую вы держите

в руках, или читаете с планшета — старая история через призму ушедшего времени.

Об авторе

Олеся Градова – персонаж из он-лайна, которая жила в Сети, создавая свои истории и новеллы, мечтая и надеясь на чудо, которого каждый, ну хоть в какой-то мере, заслуживает. Постепенно маленькие рассказы складывались в довольно связанное повествование. Но могла ли она представить, что написанный сценарий начнет сбываться в жизни? И это будет не сказочная феерия, а настоящий триллер. Именно поэтому в книге появляются самые разные персонажи и даются отсылки к Альфреду Хичкоку, Михаилу Булгакову, Карлосу Кастанеде, Густаву Майринку, Джону Фаулзу, множественным теологическим концепциям.

Книга «Танец с жизнью» стала для автора проектом написания сценария жизни. Твое alter ego, родившееся в сети, заявляет о своих правах. Созданная тобой реальность, которая существовала только для того, чтобы ты мог убежать от себя, становится твоей действительностью. Мы видим зарождение нового явления – virtual ego, которое обретает власть над своим создателем.

Пролог

Вам никогда не казалось, что судьба обделила вас, что то, что вы получаете таким трудом, через тернии и лишения, достается кому-то совершенно даром? Роптали ли вы на провидение, что удача обходит вас стороной? А вы никогда не думали, как далеко могут завести человека амбиции, гордыня, жажда наслаждений, и чем готовы пожертвовать, если в один момент явится Некто, кто предложит все, чего вы так страстно желали?

Разве не думаем мы, придя в этот мир, что Создатель наделил нас какой-то особой миссией, и готовимся выполнить Его высший замысел? Впитываем знания, расшифровываем тайные знаки, ищем взаимосвязи. Мы наполнены космической энергией и творчеством, они бурлят в артериях, лишая сна.

Где-то возле экватора жизни мы чувствуем, что «призыв» откладывается. Мы обрастаем обязательствами, социальными связями и ворохом квитанций. В суете высшие смыслы выгорают, как стираное цветное полотно на солнце. Но ведь еще есть время, еще не поздно поднять глаза к небу. Колесо жизни крутится дальше. Мы еще не потеряли связь с Замыслом Создателя.

Только времени остается очень мало. Потому что дальше поезд разгоняется и летит без остановок. Ты только успева-

ешь отмечать верстовые столбы и выхватывать взглядом лица ожидающих на перроне. Куда они едут? Кого они ждут? Кто-то отчаянный нажмет на стоп-кран и сойдет с поезда, а в спину ему обязательно бросят – чудак ты, куда в ночь?

Искать рассвет.

Глава 1. Поиск смыслов

Я ни на что не надеюсь.

Я ничего не боюсь.

Я – свободен!

Надпись на могиле Никоса Казандзакиса,

Крит, г. Ираклион

Самое страшное уже произошло. Мне уже больше, чем тридцать три. Я не ношу Breguet и Prada. Осознание того, что я не спасу мир, не оставлю своего имени в вечности, стало привычным, как звук мерно капающей из ржавого крана воды. Впрочем, у каждого своя Голгофа и у каждого свое «Последнее искушение»...

Я одна. Опять или все еще. Модель мира стала еще более несовершенна с тех пор, как я попыталась понять его устройство, нарушив целостность.

Умер Эйнштейн, предстал перед Богом. И как-то они, почти на равных, говорили о науке и жизни:

– А покажи мне, Господь, формулу мироздания.

Господь написал формулу.

– Стоп, в ней же ошибка! – воскликнул Эйнштейн.

– Я знаю, – ответил с улыбкой Бог.

Я много лет пытаюсь самостоятельно найти ошибку в формуле, я подставляю разные слагаемые, от перемены мест которых, как водится, ничего не меняется. Я поняла, что ко-

гда-то сбилась с единственно правильного и предназначенного мне пути, но так и не смогла с точностью определить «точку поворота». Мне не простили этой ошибки. Возможно, ее даже ждали.

Но как каждому в этой жизни, мне был предоставлен еще один шанс – вернуться к собственной экзистенциальной программе, для реализации которой меня, наверное, и отправили на эту Землю.

Вторая попытка, которой я искренне попыталась воспользоваться...

Точка отсчета

Когда я решила определить начало этой истории, мне показалось, что точкой отсчета можно считать встречу с Яном. Ян был Вещью в Себе. Если отталкиваться от «Критики чистого разума», в которой Кант говорил о существовании «вещей вне нашего сознания, независимо от нас и непознаваемо нами с точки зрения категорий рассудка», то в контексте Яна сначала я соглашусь с Кантом, а потом выступлю его «критиком». Ибо далее действует гегелевский принцип «познаваемости всего, что обнаруживает себя в явлениях». Ян обнаруживал себя в явлениях, а значит был в какой-то степени реален.

Яна называли гением и городским сумасшедшим, в паспорте у него стояло совсем другое имя, но новым знакомым он представлялся именно так. Оставим ему это милое чудачество. Он постоянно был чем-то занят, но нигде не работал официально. В прежние годы был лектором, тренером, потом, кажется, советником министра образования, разрабатывал новую концепцию обучения в школах с использованием игротехник. На Западе уже давно разобрали на сувениры «теорию игр», вручили Нобелевскую премию Джону Нэшу, а в России старались сбавить «прогрессоров» в психушку или как минимум отлучить от госслужбы.

Ян – человек интересной судьбы. Он был богат, но рас-

тратил все деньги на женщин и цыган с медведями. Он создал целое философское учение, но не записал ни строчки, чтобы сохранить его для потомков. Он был окружен собеседниками и томными красавицами, но жил один. Он пережил восемь клинических смертей, и последнюю, по его словам, организовал сам и самостоятельно вернулся «из тоннеля». К этому можно добавить обостренную до предела интуицию, способность предвидеть события и влиять на жизнь людей, которые оказываются в его ближнем круге. Причем радиус этого круга, который не был величиной постоянной, он определял сам.

Люди, не входившие в этот круг, но знающие Яна, говорили о нем пугающие вещи. Довериться такому человеку – все равно, что ради шутки надеть скафандр и подняться на борт космического шаттла «Атлантис», а потом кричать сквозь звуконепроницаемое стекло, что произошла «судебная ошибка». За тобой задрят снаружи люки, а через некоторое время почувствуешь, как под тобой отделилась последняя ступень ракеты-носителя. Вернуться или отскочить уже не получается – воронка торнадо закручивается и остается только придерживать полы пальто.

Каким образом ему удавалось влиять на обстоятельства жизни других людей? Если сравнивать его воздействие с модными ныне производными от учения Рона Хаббарда – системами «лайф спрингов» и прочими психотехниками, то явление, в котором обнаруживает себя Ян, – это полное и ка-

тегорическое изменение качества жизни объекта. Если вчера ты был «офисным планктоном» и всё, о чем мечтал – ипотечный кредит на квартиру в Западном Дегунино, то неожиданно для окружающих ты бросал работу и семью, мечты об ипотеке и пенсионных накоплениях, а еще через некоторое время обнаруживал себя за штурвалом судна, самостоятельно бороздящего просторы российского бизнеса.

Но это, как говорится, при «хорошем раскладе», потому что ты мог внезапно отключить мобильный телефон и отправиться на поиски Королевства Мустанг на крыше мира. То есть сделать выбор между карьерой и душевным комфортом в пользу дауншифтинга, и сидеть где-нибудь под пальмами, раскуривая косяки до конца своих дней. Абсолютно счастливый. Это не про личностный рост, это, скорее, про обретения своего «Я».

Жизнь людей в «ближнем круге» Яна действительно менялась фантастическим образом. Как будто подключался ускоритель, и ты отрывался от земли, теряя нажитое и отказываясь от всего, что ранее казалось тебе неизблемым. Вокруг говорили: «Он сошел с ума! Похудел и плохо выглядит...» Но через некоторое время «объект» возвращался в новом качестве и рассказывал о найденных в пути сокровищах. Жизнь снова набирала обороты.

Не исключаю, что его авторская методика изменения личности является своего рода «коучингом». Только коучинг с его «выходом из зоны комфорта» в таком депрессивном

городе, как Москва, – штука дорогая, а Ян плату за консультации брал только в исключительных случаях, когда считал, что «объект» совершенно безнадежен.

Вопрос – зачем он все это делал? Процентом он не получал, участвовать в бизнесе не стремился. Ходил по городу в арабском платье-абае поверх широких джинсов и в сандалиях на босу ногу, подыскивая новую жертву для экспериментов. Впрочем, слово «эксперимент» он категорически отрицал. Его концепция выглядела иначе: «Мне интересно сделать тех, кто будет способен жить. И материал не важен». Именно так и говорил – «сделать». Будто чувствовал себя Создателем или Пигмалионом из греческой мифологии. По сути, он помогал человеку расширить границы восприятия и задействовать скрытый потенциал. На языке йогов такое расширение сознания называется «трансцендентальным состоянием», а на языке Яна – развитием заложенных природой способностей для достижения гармонии с собой и миром. Разве не к этому мы все стремимся?

При первой нашей встрече я решила, что передо мной довольно любопытный экземпляр (он единственный человек в моем окружении после Инги, кто не выпал в осадок от упоминаний имени толкователя суфийской традиции Идриса Шаха) и возможно сложение моего Инь и его Янь позволит довести до ума один из задуманных проектов.

Я представилась ему консультантом по репутации и созданию брендов. Много лет это приносило мне неплохой до-

ход, и, в целом, позволяло вести нескучный и светский образ жизни. Нас называют «пиарщиками», но мне это слово всегда казалось каким-то низкопробным. Мы скорее управляем общественным мнением – составляем коктейль из желаемого и действительного, кидаем кубик льда корпоративной миссии и добавляем дольку манипуляции.

Но мы не собирались говорить про бизнес. Я сообщила ему о том, что увлечена суфизмом, арабским танцем и, дабы разделить свое хобби с широким кругом знакомых, хочу устроить восточную вечеринку с плясками в стиле belly-dance, рахат-лукумом и барабанами-табла. Я выступаю сценаристом, моя подруга Инга – режиссером действия, при этом проект некоммерческий, а значит, никакого гонорара не подразумевает. Идея была довольно гламурной, но «сырой» – некое подобие «шабаша ведьм» в несколько музыкальных сетов. Кроме того, нам нужен был ведущий программы, простите за выражение, суфий, который сможет донести до зрителя содержательную идею. И я предложила ему роль «суфия» в этом проекте.

– А какую содержательную идею вы хотите донести? – вполне резонно спросил Ян.

Я зависла как старый компьютер, потому что идеи как таковой не было, кроме того, что это должно быть мистически, оригинально и, как говорили в начале двадцать первого века, – в тренде.

– Сценарий основан на реальных событиях, изложенных

в романе Коэльо «Ведьма с Портобелло» и представляет концепцию жизненной трансформации через танец, – пыталась я прибегнуть к авторитетам.

Не углубляясь в сюжет известного романа, героиня которого изменила свою жизнь и жизнь окружающих с помощью танца (а точнее, транса, в который она входила через танец, высвобождая спящие энергии), скажу, что идея эта казалась мне свежей и, главное, маркетингово привлекательной. Ян же назвал ее поверхностной, предложил изменить концепт и порекомендовал меньше читать плохих книжек. Я обиделась, резко встала из-за стола, опрокинув мутную кофейную жижу на подлетевшего некстати официанта, и попыталась утвердить свои «правила жизни» на земле – творец или добивается своего, или уходит из проекта. Он заявил, что проект ничего не потеряет, если я, как «творец», его покину.

С этой минуты я начала слушаться Яна. Клубный проект был наречен «суфийской вечеринкой», а на афишах решено крупно написать: «ТАНЕЦ ЖИЗНИ». Бумажки с моим сценарием «Ведьма с Портобелло» (а нечего воровать чужие идеи!) догорали в хрустальной чаше для окурков. В отличие от рукописей, которые не горят, мой креатив занялся быстро и оставил горьковатый дым. Я была великодушно отправлена на разработку нового текста.

Могла ли тогда я предположить, что пишу сценарий для самой себя, но мне не придется кружиться в танце, обернув-

шись шарфом, унизанным бисером и пайетками. Мне придется заново учиться жить...

Суфизм

И все-таки первым был не Ян... Сначала был суфизм, он же мистическая ветвь ислама, Халиль Джебран и Идрис Шах. До суфизма мой некритичный ум метался между «Беседами с Богом» Нила Дональда Уолша и «Рассказами под экстази» Бегбедера. И вот я начала постигать все формы медитации – от утренней литургии в православном храме до тантрических практик. Моя жажда познаний заставляла меня искать все новые парадигмы, а вместе с тем и новые ощущения. Я искала смысл, а находила лишь формулировки. *(Эта фраза из моего блокнота с заметками, который я всегда ношу с собой и записываю мгновенные озарения).*

Среди новых знаний, точнее старых, но облаченных в привлекательную для меня упаковку, я старалась, где возможно, отделить зерна от плевел, а ортодоксию – от откровенной ереси. Я искала Ключ. А суфизм, как первое на земле сокровенное учение, содержит ключ ко всем знаниям, и его задача привести человека, то есть и меня в какой-то степени, к Истине.

Суфий, как и индийское «йог», означает «мудрец и духовный отец». И я, поклонник Ошо и Омара Хайяма одновременно, начала искать своего суфия среди живых и ушедших, читая все подряд – стихи, научные труды, инструкции по медитации и экстазу. Что подкупало, в отличие от религии мо-

их предков, суфии не считают людей жертвами неумолимой предначертанной судьбы или полновластными ее хозяевами. Они признают существование некоего Высшего разума, который «обозначается в человеке в стремлении к новому, эволюции методом проб и ошибок». Именно эту трансцендентальную силу и называют Богом, а кто-то, более смелый, – Вселенной. И на пути к этому Высшему разуму личность проходит свои бесконечные творческие трансформации...

До встречи с суфизмом я уже готова была согласиться с буддистами, что «смысл и высшая цель жизни состоит в прекращении страдания», то есть достижения покоя разума.

До встречи с суфизмом я читала Тору, в которой говорилось, что Всевышний, создавая человека, хотел увидеть в нем собеседника и сотворца: «и мир, и человек созданы несовершенными умышленно для того, чтобы человек, с помощью Всевышнего, поднимал себя и окружающий мир на высшие уровни совершенства». Я готова была стать наименее приятнейшим из собеседников, но мне не оставили номер телефона.

До встречи с суфизмом я почти доверилась «каббалистическому» учению Бааля Сулама, который говорил, что «на самом деле ничего, кроме этого вопроса (о смысле жизни. – Авт.), перед нами нет, и все, чем мы занимаемся в нашей жизни – это только тем, чтобы скрыть его от себя». С точки зрения каббалы человек отвергает любую мысль, от-

влекающую его от самого процесса жизни, и подсознательно выдумывает для себя какие угодно отговорки, чтобы только не предаваться размышлениям на эту тему.

Так и есть, в самом начале пути, в период так называемого «юношеского максимализма», мы истово ждем отклика Вселенной на наши духовные поиски, а став взрослыми, считаем этот вопрос незрелым и решаемся закрыть тему.

– Зрелость – это когда воспоминаний больше, чем планов на будущее, – мы с обретенным мною «суфием» выводили вместе формулы познания мира.

– Зрелость – это всегда более точные формулировки к основным вопросам бытия, – завершал мою мысль Ян. Последнюю фразу я решила тут же занести в блокнот.

Он пытался понять, зачем я столь истово штудирую учения, философские концепции, роюсь в цитатах, ищу экзистенциальные смыслы. На самом деле я лишь исследовала разные измерения пространства, чтобы понять свое место в общей системе координат. Мой мозг, словно компьютер, обрабатывал гигабайты информации, чтобы вывести формулы равновесия.

– Ян, я всегда старалась сделать мир вокруг себя более плоским, осязаемым, простым. В простоте – правда и истина. Я с легкостью приняла каббалистическую гипотезу, что ответа на вопрос о смысле жизни не существует. В какой-то момент смысл бытия для себя я определила как движение. Собственное несовершенство приравнивала к индивидуально-

сти. «А истина – она где-то рядом», – цитировала я эпитафию из «Секретных материалов».

Яна забавляла моя способность смешать в одной кастрюле тысячелетние учения и выдержки из произведений массовой культуры. Вероятно, я тоже показалась ему интересным для изучения экземпляром.

Будучи посвящен в мои искания, Ян прислал мне по электронной почте замечательную байку.

Аристотель сказал как-то: «Платон мне друг, но истина дороже». Платон услышал это, кивнул и ушел. Вернулся через два месяца, грязный, мокрый и холодный, в руках – драный вонючий мешок.

«Что это?» – спросил Аристотель. «Истина», – ответил Платон. Аристотель заглянул внутрь, подумал и обреченно произнес: «Платон, ты мне больше не друг».

Я сидела над третьей кружкой кофе в каком-то очередном лобби-баре, выбранном по принципу чистоты туалетной комнаты, и мучала Яна:

– Ну скажи, что было в том самом мешке?

Инга, она же режиссер будущего шоу, быстро нашлась с ответом:

– Грязь. Все из грязи выйдет и в грязь же вернется...

Инга довольно часто выдает незамутненный взгляд на вещи. Но меня не устроил этот ответ, хотя в нем была толика

сакрального смысла. И я глубокомысленно изрекла:

– Кот или шило? Но ведь кот в мешке, наверное, больше воняет, чем шило...

Мое последнее высказывание и характеризует наши отношения с Яном. С помощью авторской методики «демонстрации крайнего идиотизма» мне нередко удается собрать уникальные данные. В конце концов, я выудила из него ответ на мучившую меня, крепче кофеина, задачу:

– Там лежало самое страшное и самое неприятное, что только мог увидеть Аристотель. А как ты думаешь, что такое Истина?..

Ян, судя по всему, относился ко мне, как девушке недалекой, но творческой, что вполне компенсировало мой весьма средний по его меркам IQ. Я ведь тоже, как Платон, постоянно рассказывала ему про какую-то Атлантиду, а он, слушая мои фантазии, обращался как с ребенком, которому так хочется, чтобы ему поверили взрослые. И ни разу, в отличие от Аристотеля, публично не подверг сомнению то, во что я свято верила.

Общение с Яном на некоторое время вернуло меня в эпоху ночных споров в прокуренной комнате студенческого общежития. Картошка на маргарине или сухой паек, оставшийся от солдат Бундесвера и переданный в Россию в качестве гуманитарной помощи, – нехитрая закуска к бутылке портвейна и разговорам про «Сумерки богов». Только теперь эти споры проходили в весьма фешенебельных ресторанах

или лобби-барах московских пятизвездных отелей, где мы, как «непостояльцы», странным образом получали наилучший сервис.

– Ян, как тебе это удастся? Мы только сели, а на столе уже стоит целая ваза с солеными орешками и бисквитными «комплиментами»? – На самом деле я удивлялась другому – что метрдотели вообще пускают внутрь нашу странную компанию.

– Просто надо научиться менять реальность под себя.

«Вот он – ключ, – подумала я. – Ведь именно об этом говорили суфии. Поскольку реальность существует только в нашем сознании, то смещение точки зрения или представления о ней позволяет управлять и самой реальностью».

Мне уже начинала нравиться наша игра – я подкидывала мячик, а он резкой подачей менял его направление. И в этот момент открывались новые грани реальности. Наверное, это и называлось «коучингом» в исполнении моего наставника – когда ученик создает собственные смыслы за счет свободных ассоциаций.

Он распаковывал холщовый мешок – рядом с ним этот предмет был довольно органичен – и доставал оттуда смартфон, внешний накопитель информации для компьютера и какую-нибудь, на первый взгляд, бессмысленную вещь, вроде портативной лампы на батарейках. Наша болтовня не мешала Яну реагировать на импульсы внешнего мира – он отправлял электронные письма, вел какие-то записи и за-

ходил в Интернет.

– Ян, суфии говорят, что смысл – это путь к Богу через Любовь. – Я вычитала это у Идриса Шаха, одного из наиболее авторитетных современных исследователей жития суфиев, а теперь хотела свериться с часами Яна, правильно ли я усваиваю материал. – Но ведь это не та самая любовь, которую мы понимаем в гендерном аспекте?

– Как бы тебе не хотелось свести все к уровню физических отношений, речь идет об абсолютной, божественной любви.

Моя языческая натура с трудом соглашалась с тем, что возлюбленным может быть Бог, ибо я готова была акцептовать только одну религию – единение с Богом через любовь к божественному, то есть к Человеку. И это было бы рискованно, зато честно. Да, я могла бы написать новое Евангелие Любви, но как существо крайне неусидчивое, вряд ли бы продвинулась дальше пятой главы этого новейшего монотеистического учения.

– А как же Ошо, который говорит, что согласие и мир в душе, а также молитва и любовь к Богу возможны только при достижении гармонии телесной, – по сути, он возвеличивает роль оргазма, придавая ему какой-то космический смысл?

– Ошо говорит не о человеке в любви. Он говорит, что человек и есть любовь. Любовь – это состояние бытия, глубокое желание благословить все существование.

Мне хотелось рассказать ему об одиночестве. Которое всегда и везде – в толпе, в кругу друзей и даже с мужчина-

ми. Отдавая должное физиологической необходимости единения женского с мужским, Инь и Янь, я все время ждала, что это слияние произойдет и на каком-то более высоком уровне, на уровне тонких сфер – души, сознания, чакры, расположенной в районе вилочковой железы... Но каждая любовная история приносила только новые шрамы, подтверждая своим финалом существование тех самых «двух разных миров». Мужчина и женщина – выходцы из разных Вселенных, и именно поэтому они никогда не станут двумя половинками одного целого. Как только уходило физическое влечение, мы вдруг понимали, что нас НИЧЕГО не связывает в этой жизни. Чужими встретились, чужими расстаемся, как две планеты на просторах Мирового океана, случайно оказавшиеся в гравитационном поле друг друга...

– Так что же такое любовь? – спрашивала я его. – Тот великий и божественный дар? Шанс, который дается один на миллион, или великая иллюзия, о которой пишут книги и снимают кино, потому что без этой иллюзии душа пуста?

– Ты говоришь о том, чего ни разу не испытала.

– Я испытала, только в паре с любовью пришла боль. Я родила ребенка, думая, что это единственный замысел любви. А вместе мы быть не смогли...

Я думала сейчас он задаст вопрос, или ответит на вечно сидящий внутри меня занозой – «Почему?». И поможет мне понять, почему я ушла с маленьким свертком в руках и потом все годы винила себя за это бегство.

– Скажи, рождение детей – это единственный замысел любви? Или любовь – это самая большая иллюзия человечества, чтобы оправдать грех?

Ян не ответил. Хотя я ждала, мне кажется мы уже близко подошли к ответам. У него была своя теория.

– Рано или поздно наступает момент истины – в любви ты хочешь стать половинкой, а становишься кровоточащим обрубок, потому что мир единый и целостный ты можешь построить только внутри себя. И только так можно избавиться от одиночества и не страдать от отсутствия последователей и единомышленников...

Я записала блокнот про «кровоточащий обрубок». Сердце кольнуло, как будто напомнили о себе старые шрамы.

В чем смысл моей жизни, КТО управляет ею и каков ЕГО замысел? Кто я и ЗАЧЕМ я? Как всякое сердце, волнуемое страстью, ищет Бога, так и я стала искать свое предназначение. Можно ли жить без любви, не страдая от одиночества, принимая его осознанно, как данность, а не наказание?

Любовь – это редкое цветение¹, говорил один из моих духовных отцов... И сколько их, упавших в эту бездну, так и не сумевших обрести смысл в жизни, в которой ты лишен единственного права – быть любимым ТОЙ самой женщиной или ТЕМ самым мужчиной?.. Но я еще не теряла надежды отодвинуться от края этой пропасти.

Так, в разговоре с Яном, я определила стратегическую

¹ Цитата Ошо

цель своего существования – построение такого мира внутри себя, который позволит мне обрести гармонию. Однако не мысли «о высоком» гнали меня, как бешеного пса, через закоулки накопленного знания. Я хотела просто выжить, придав хоть какую-то осмысленность своему бытию.

– А суфизм, или учение Ошо, подойди к нему как к жизненной философии, без фанатизма, – посоветовал мне Ян. – Организуй вечеринку, включи музыку, почувствуй ее вибрации.

Поскольку я работаю над трактатом, а не романом, прошу прощения за присутствие некоторых философских и теософских понятий. Не попытавшись ввергнуть читателя в поток своих мыслей, я не смогу перейти к более увлекательным эпизодам своей истории...

...Суфии утверждают, что нам надо научиться смотреть на свою жизнь глазами Вселенной или Бога, приравнивая личные страдания к страданиям всего сущего. И если индийские йоги проповедуют отказ от собственной индивидуальности для достижения состояния пробуждения, то суфии предлагают альтернативное видение – просто научиться смещать точку зрения между Божественной и человеческой, между бесконечным и конечным. *«Просто общаться с Богом. Быть младенцем у Бога за пазухой. Чувствовать, что ты – дитя мгновения. Дышать свободно. Именно так суфии отвечали на вопрос: «Что значит быть суфием?..»²*

² Пробуждение. Опыт суфиев. Пир Вилайят Инайят хан

Азали

И все-таки я опять ошиблась. Сначала была Азали... Точнее, ее система обучения восточному танцу. Азали была уверена, что первым появился суфийский мистический танец, а уже потом «адепты» женского пола стали исполнять его в султанских гаремах. Так вот, пока в одних танцевальных школах учат соблазнять султанов и евнухов (насколько это возможно), в школе Азали мы проходили древние практики, прикасаясь через танец к тайнам и философии Востока.

То, что требовала от меня Азали, поначалу казалось невыполнимым – отключить разум и полностью отдаться музыке: «Пока твой мозг контролирует тело, ты не танцуешь, а просто повторяешь движения». Я понимала, о чем она говорит, но выключить внутреннего «контролера» долгое время не получалось.

Для того чтобы отключить разум и погрузиться в экстатическое состояние Любви, суфии практиковали различные виды медитации, слушали трансовую музыку, исполняли ритуальные танцы или входили в особое психологическое состояние, свершая ритуал Зикр – методично повторяя многочисленные имена Бога. Что-то похожее делали и мы, включая на полную мощь проигрыватель и выключая в зале свет.

Неожиданно для себя я прикоснулась к медитации через танец. Я долго искала приложения неумемной энергии –

в фитнесе, пилатесе, йоге. Однако достигнуть реального состояния погружения мне впервые удалось на занятиях арабского танца. Девятнадцатилетняя Азали, преподаватель танц-класса в клубе «Эстетика», открыла передо мной особый мир, в котором я интуитивно нащупала тот самый Свой Путь, вернее, его предощущение.

Я изучала опыт крутящихся дервишей, которые могли в трансе вращаться часами вокруг собственной оси. При этом дервиши говорят: «Мы стоим на месте, это Вселенная вращается вокруг нас». Дервиши считают, что, если долго и без остановки кружиться на одном месте, можно встретиться с самим собой.

«Какой страшный и увлекательный опыт – встреча с самим собой! – думала я. – Собой – прошлым или будущим? Или тем самым Высшим „Я“?» Я пыталась повторить этот «эксперимент», но он мне никак не удавался. Падая в изнеможении на пол, видя, как потолок вращается наподобие лопастей винтов вертолета, я делала замеры «получилось – не получилось». Но неизменно приходила к выводу: и в этот раз мне не удалось... встретиться... с самой собой...

А ведь я читала у Майринка – Гете это удавалось. Но я, видимо, не Гете... Сообразно неподвластным мне обстоятельствам, я вновь и вновь откладывала эту встречу. Ритуальные барабанные ритмы помогали отключить рефлексивную часть сознания, но войти в транс мне не удавалось. Дон Хуан предлагал для такого случая пейот, который оста-

навливает внутренний диалог и помогает услышать ответы на вопросы. Я хотела отправиться туда-не-знаю-куда. Я еще не знала тогда, что дверь уже приоткрыта...

«Постарайся идти медленно, очень медленно, как только сможешь, – говорит мне Азали. – Это трудно, ты раскачиваешься и боишься упасть. Еще медленней... Ты качаешься, потому что теряешь свою внутреннюю ось. Почувствуй ее, тот стержень, который позволяет высоко держать голову и ничего не бояться... Возьми любую точку наверху, не отрывай от нее глаз и кружись, сколько сможешь. Не бойся упасть. Быстрее, быстрее! Попади в поток кружения, и ты не упадешь, а если упадешь, то не ударишься, тебе не будет больно. А теперь падай! Почувствуй кружение внутри себя...

Падай, словно в пропасть с обрыва, взмахнув руками, как крыльями, падай и катись, словно тело, которое покинула душа. Как камень, который не боится удариться о другие камни. У него нет страха...

Склонись, как засохший цветок, оставленный без воды, из которого по капле уходит жизнь. Забытый ржаной колос, поникший над сжатым полем перед заморозком...

А теперь проснись и начни прорастать. Ты – зерно в иссохшей земле, которого коснулся ливень, ты росток, который пробивает земную корку, слабый и сильный цветок, разрывающий асфальт. Ты растешь и тянешься к солнцу, ты силь-

ное и гибкое дерево, раскачивающееся на ветру, ты пьешь этот ветер всей поверхностью кожи, как листьями и корой. Ты проснулась...

Ты наполнена силой, тебе не страшны ветра, ливни и снегопады... Трава во время бури склоняется к земле, большие деревья вырывает с корнем, а ты – будь травой, буря пронесется мимо, не причинив вреда.

Ты – змея, которая бесшумно проползает между камней, не задевая ничего вокруг. Ты – пантера, которая крадется сквозь кусты. Ты берешь их силу, но сердце твое – человеческое, полное любви. Тебе не надо убивать, чтобы Жить...».

*«Учась смотреть глазами Бога, – считают суфии, – мы приобщаемся к огромному потенциалу, способному исцелять душевные раны и заполнять душевную пустоту. Эта обостренная способность проникать в суть вещей позволяет нам осознавать важнейшие принципы слаженной работы вселенского механизма – там, где раньше мы видели лишь беспорядок и хаос. И от этого осознания и осмысленности бытия остается лишь один шаг к чему-то большему – к целеустремленности и решимости».*³

Маленькая, совсем еще юная Азали знала больше, чем я в свои тридцать с лишним. Откуда приходит это знание? Она будто ходила среди нас, спящих, и понимала, что нужно разбудить. Но чтобы разбудить, надо дать Знание, и она

³ Пробуждение. Опыт суфиев. Пир Вилайят Инайят хан

из каких-то глубин и книг черпала его и передавала нам в танце и медитации. Мы приходили в танцевальный зал как в храм, где снимаются оковы, а энергии закручивают в спираль. И мы крутимся как дервиши, понимая, что мы стоим на месте, и только Вселенная вращается вокруг нас.

В своем желании поделиться этим откровением с друзьями я решила пригласить их к Азали, чтобы они своими глазами увидели мистическое кружение танца жизни. Да, Ян прав, это действительно «Танец Жизни», который словно кружево будет соткан из самых разных композиций и каждое отдельное выступление Азали будет носить свое название. Танец-Пробуждение. Танец-Любовь. Танец-Признание. Танец-Ненависть. Танец-Откровение. Танец-Молитва... Вот он сценарий, который рождался в недрах наших ночных бдений.

Теперь, по прошествии некоторого времени, когда я села за написание этой книги, понимаю, что это было не само Откровение, а лишь первый шаг к нему. А та самая встреча с самой собой, которую я ждала, – наверное, и есть мистический переход в иную реальность, в которой ты находишь ответы на свои вопросы.

Crazy Seasons

Далее я опускаю некоторые подробности – как прошла вечеринка, как выступала Азали, как звучали суфийские притчи... По сути, никто ничего не понял, да это и неважно. Процесс был гораздо интереснее, чем результат. Что касается Азали, и это публика сумела почувствовать, – ей действительно удалось из ресторанный танца живота сделать то, что можно назвать «искусством для посвященных». В любом случае мне, как профессиональному организатору массовых мероприятий, можно было поставить «зачет». Зрители ушли сытые, довольные, весьма мало говорили о суфизме, но считали, что вечер удался.

Мне хотелось поговорить с Яном, обсудить наши дальнейшие совместные планы в шоу-бизнесе. Оформилась идея регистрации продюсерской компании Crazy Seasons, под эгидой которой будут проходить самые сумасшедшие пати в Москве. Суфийская вечеринка – только начало, мы еще устроим здесь настоящий шабаш! (Меня никак не отпускала идея «Ведьмы с Портобелло».) Под слоганом Travelling To&From мы станем предлагать нашим гостям путешествие в иные реальности. А на улице рядом с местом проведения всегда будет дежурить «скорая» – это станет нашей фирменной «фишкой». Слоган был экспроприирован у одной из известных писательницы, которая написала историю, как схо-

дят с ума и возвращаются обратно. Концепция была в целом одобрена Яном, и мы начали готовить документы на регистрацию.

Кроме шоу-биза, были и некоторые события в моей жизни, о которых я хотела поведать моему «суфию», как с некоторых пор я называла Яна. В моем пространстве обозначились люди, появление которых, с рациональной точки зрения, объяснить я не могла, но понимала, что они также способствуют смещению моей жизненной фокусировки. Я полагала, что Ян поможет мне разобраться.

Именно Ян позже даст мне одну универсальную формулу, благодаря которой я смогу самостоятельно сделать анализ любой сложносочиненной ситуации. Если бы он слышал скрип мозга, который раздавался в процессе работы над его схемами, он бы обрадовался появлению одной из самых старательных своих учениц. А я в свою очередь не против получить еще ряд инструкций по выживанию в экстремальных условиях, которые хранятся у него на чердаках памяти...

Нашу беседу я помню лишь в общих чертах. Я все время пыталась начать разговор о том, что меня волнует, но никак не могла подобрать правильных слов. История получалась какой-то совсем плоской и даже с оттенком пошлости, которая всегда становится «гипотенузой» классического любовного треугольника. Я начала издали, то есть с «Атлантиды» Платона, делая лирические отступления и предаваясь свободным ассоциациям:

– Ян, я оказалась в самом эпицентре битвы черных и светлых сил. Словно в «Ночном дозоре»... Ты можешь обвинить меня в чем угодно – что меня тянет в пучину страстей или мистики, что я фантазерка, девушка со сдвинутой психикой, человек с художественным восприятием мира... Только не бросай меня в терновый куст! Я хочу говорить как с доктором. Я человек адекватный в поступках и проявлениях, у меня достаточный порядок в голове...

Предисловие затянулось, потому что все переданные характеристики моей личности, в том числе и про «художественное восприятие мира», отразились в его довольно ироничной улыбке, хотя я рассчитывала на понимание.

– Ян, – пыталась я артикулировать свои мысли. – От меня требуют сделать выбор между белым и черным... Я даю путаные показания, мне сложно мыслить в этих категориях – «черное и белое». Для меня мир всегда воспринимался в полутонах, в нем не было четких границ. Есть двое мужчин, один любит меня, но не может быть со мной, а другой – притягивает меня как магнит. Но я боюсь его, потому что не знаю, куда меня это приведет... Классический любовный треугольник обернулся для меня вопросом нравственного выбора – какая я? Способна ли причинить боль, могу ли уничтожить кого-то правдой, готова ли принять новую заповедь «Убивать, чтобы жить»? И речь не только о том, чтобы бросить одного и уйти к другому. Меня хотят видеть в клане «черных», потому что это... как бы... мое предназначение.

ние... В общем, прошу тебя понять мое смятение и сказать, что мне делать...

Наверное, если бы рядом был не Ян, а какой-то другой человек, я бы не прибегала к столь эзопову языку, а воспользовалась бы более прозрачными образами. Но я же говорила с Яном, и он готов был понять мои лексические конструкции без особого напряжения.

Он взял блюдечко, вытряхнул из него конфетные обертки и поставил в центре стола. Из фольги смастерил крошечную фигурку.

– Видишь ли, мир – как это блюдо. С одной стороны белые, с другой – черные. – Он условно разделил блюдо на две равные части и поставил человечка в центр. – Ты – посередине. Вопрос – куда тебе двигаться?

– Как ты умеешь отвечать вопросом на вопрос! Это я тебя спрашиваю, куда мне двигаться? Так бывает – с одной стороны уютный, простой, но чужой мир. С другой – наполненный электрическими разрядами и разреженный горный воздух.

Он терпеливо дал мне несколько попыток найти решение самостоятельно, но я упорно продолжала играть роль ученика, который не готов размышлять и ждет откровения Учителя. И хотя метод обучения с помощью «наводок и подсказок» считается наиболее эффективным, Ян пошел мне навстречу. В который раз мой собственный метод «демонстрации крайнего идиотизма» показывал свою действенность. Позвольте мне некоторое время пребывать в образе очаровательной

«блондинки», это недолго...

– Ты стоишь в центре?

– Ага, я в центре.

– Вот теперь представь, что оно вращается вокруг тебя, а ты... ты продолжаешь стоять в центре.

– То есть как это – стоять в центре? Но меня же сносит! Или ты считаешь, что центробежная сила должна компенсировать центростремительное ускорение? – Я тщилась вспомнить хоть что-нибудь из школьных уроков физики.

– Тебе, должно быть, наплевать на силы и ускорение, ты продолжай стоять в центре и не двигайся...

Я вспомнила дервишей, которые думают, что они стоят на месте, а Вселенная крутится вокруг них. Но их же не прибавляет ни к одному из краев этой Вселенной...

– А если я все-таки потеряю равновесие?

– Когда почувствуешь, что теряешь равновесие, когда не останется малейшего шанса – выпрыгивай! – Он показал «катапультирование» маленького рукотворного человечка, который завис над блюдечком. – Прыжок, и ты над схваткой, над ситуацией. Вот и все...

Так просто объяснять, когда ты находишься вне ситуации, и так сложно представить, куда прыгать, если ты стоишь посередине блюда. Я отложила его рецепт, как в поваренную книгу, надеясь, что когда-нибудь он поможет мне разобраться в мутном вареве, которое закипало в моей голове. Выпрыгни и окажись над схваткой. Похожая схема есть в кон-

цепции рефлексивного выхода: стрелочка вверх и в сторону. Смещение угла зрения. Взгляд с иной точки. Расширение панорамы сознания. Кажется, я где-то уже встречала эти формулировки. Словно все вместе – суфии, Азали, Ян – соби-
рались в лоскутное одеяло какого-то целостного замысла.

Я на некоторое время погрузилась в характерную для меня задумчивость. Белое и черное... Вечное кружение сил...

– Ян, последний мой вопрос – а ты маг? А если маг, то какой – белый или черный? – поторопилась я присовокупить довесок к «последнему» вопросу.

– Сиреневый. – Он просто смеялся надо мной, как над блондинкой. И имел полное право.

– Ян, еще один вопрос, точно последний – что такое «шак-ти»?

– Зачем тебе это?

– Просто интересно, встретилось тут новое слово...

– Не засоряй свой мозг, – ответил Ян и стал собирать свои предметы в холщовый мешок.

Встреча на Патриарших

Яну надоело разбираться в моих проблемах и общаться с человеком, который не хочет напрячь мозг, гламурно предпочитая получать пищу для ума в хорошо сервированном и легкоусвояемом виде. Короче, следующую встречу он решил провести в ином формате, о чем оповестил меня с помощью эсэмэски на мобильный телефон. С некоторых пор я обзавелась новым коммуникатором, поэтому набирала сообщения с помощью палочки-стилуса, элегантно касаясь сенсорного экрана. Новая фишка, к которой быстро привыкаешь, как ко всему новому и модному.

«Как ты относишься к платной психотерапии?» – писал мне Ян стилусом на своем коммуникаторе. Он тоже был не чужд прогресса.

«Как бы ппположительно». – Я пыталась изобразить повторными согласными некоторое удивление в голосе.

«Для вас недорого. Три тысячи рублей за академический час».

«А кто будет психотерапевт?».

«Догадайся. Это тест на пациентопригодность».

«Простите, а у вас есть лицензия?».

«У меня дюжина лицензий. Какую предъявить?».

Впрочем, и визиток у него было столько же. В начале нашего «сеанса» он рассыпал их веером перед моим но-

сом и сказал: «Выбирай, какая больше нравится». То есть с этой минуты мы должны были облачиться в некие новые друг для друга одеяния. Со своей стороны я была согласна на больничную пижаму, лишь бы она элегантно облегла талию и бедра.

Разные имена, фамилии, должности, организации. Различные вариации на темы: «Агентство доверительных решений, член совета». «Фонд социальной инициативы, советник». «ИНЬ и ЯН. тренер».

Я выбрала «Ян. Консультант». Это как-то ассоциировалось с Воландом, который приехал в Москву под видом профессора черной магии и консультанта. Кроме того, я заранее выбрала местом встречи – Патриаршие. Мне уже начинала нравиться вся эта игра в мистику.

Я припарковала машину в Малом Козихинском переулке, между помойкой и розовым «Бентли», и набрала ему эсэм-эску:

«Я на месте. А ты где – в Ершалаиме или за завтраком у Канта?».

«У Крылова». – В конце сообщения он поставил «смайлик».

Я нашла его ровно в той же позе, как и у доброго сказочника, только в отличие от бронзового изваяния у городского пруда, в руке он держал коммуникатор последней модели, и, судя по выражению лица, обращался к Всемирному разуму. То есть качал мегабайты из Интернета.

– Какая басня и кто из героев тебе наиболее близок? – Он показал на бронзовых героях басен Крылова, которые с некоторых пор окружают своего Создателя.

– Что тут думать? Ворона, конечно! Пока молчала, была при сыре. Так же и со мной. Излишняя доверчивость и слишком высокая скорость принятия решений.

– Ты думала, почему?

– Ян, я всегда тороплюсь. Мне кажется, если не успею прыгнуть на поезд, то следующего уже не будет...

Он сделал несколько «замеров», узнал мой знак Зодиака, определил «число личности», образуемое сложением цифр дня, месяца и года рождения, вычислил день зачатия, если я ничего не преувеличиваю... Умножил 3 на 12. Но оставил выводы при себе. Долго молчал, сосредоточившись на вычислениях, потом словно очнулся и вспомнил, что я еще тут:

– Ты думала о смысле твоей жизни?

– Ну... думала, конечно, искала ответы... Потом, отбросив смысл, то есть его поиски, начала просто жить. Поскольку это как бы «псевдовопрос» – вопрос, заведомо не имеющий ответа.

Он использовал технику «звенящей паузы». Когда повисает тишина, именно в этом «разрыве» у кого-то сдают нервы, и он начинает говорить. Говорить начала я. Не исключая, что хотелось блеснуть эрудицией:

– Я где-то в Сети как раз наткнулась на фразу, что «Ис-

тина состоит в том, что смысл жизни существует». И этот смысл, постараюсь процитировать ближе к тексту, в некоем развитии сознания, развитии как бы качественном и количественном... – Тут я поняла, что забыла, чем заканчивалась чужая, но умная мысль.

– Вот именно. Так у тебя и будет – «некое развитие»... – довольно жестко ответил Ян. – Ты постоянно говоришь «некое», ты постоянно говоришь «как бы». Пока ты не избавишься от этой привычки НЕ утверждать, а СОМНЕВАТЬСЯ, ты так и будешь в «состоянии некоего развития».

– Ты прав, не понимая, куда двигаться, ты двигаешься на ощупь, иногда «как бы двигаясь», иногда чувствуя «некое движение вперед». Уверенность дает знание, сомнение порождает категорию «как бы»...

Он не спорил со мной, но и не помогал продолжить процесс осмысления. Он действовал по какому-то своему намеченному сценарию беседы.

– Ты можешь назвать значимых людей в своей жизни?

– Конечно, их множество... – Я опять поторопилась с ответом. – А что означает «значимый»? Родной, близкий, жизненно важный?

– Я повторяю – **ЗНАЧИМЫЙ!**

Далее очень длинная прямая речь, которую я заключаю в кавычки, чтобы было понятно, когда я сделала питстоп в «Формуле один» своих беспорядочных мыслей:

«Ты все время заставляешь работать мой усталый мозг.

Я должна подумать. Значимый... Наверное, Саша Булатов.
Мой первый учитель жизни.

Мы встретились, когда мне едва исполнилось девятнадцать. Он научил меня профессии журналиста, он дал мне возможность поверить в себя, найти собственный язык и стиль. Он правил мои статьи, а я изучала каждую правку – почему так... Как надо?.. Как будто искала ответ в задаче со множественными неизвестными...

Он был рядом, когда я рассталась с любимым мужчиной. Саша встречал меня из роддома, когда родился мой сын, – вместо отца и мужа. Он помогал мне заработать хоть какие-то деньги, когда мне нечем было кормить свою маленькую семью. И при этом это была Платоническая любовь... Он писал мне стихи. Очень нежные и грустные...

*Под громкие скрипы кровати,
В краю, где поют соловьи,
Я буду министром Печати,
Ты будешь – министром Любви.*

*Но сгинет идиллия быстро,
Быстрее, чем желтеет печать,
И кто-то другого министра
поставит твой сон охранять.*

*И в час, когда жизнь измочалит
мечты и надежды мои,*

*Я буду министром Печали,
Ты будешь министром Любви...*

*Ты будешь при гимнах и флагах,
при птицах, слетевших на юг,
И как-нибудь роясь в бумагах,
найдешь писанину мою.*

*И глядя на строки поэта,
как небо на листья глядит,
Ты скажешь: «Кончается лето,
Как время, однако, летит».*

Грустная это была любовь – поэт и молоденькая журналистка, которой только-только открывался большой мир необычайных возможностей. Но, несмотря ни на что, он все время участвовал в моей жизни или хотя бы был в курсе моих злоключений...

Да, и еще один – Димка Кнуров. Тоже мой бывший босс. У него я училась профессии «политтехнолог» – митинги проводить, забастовки в аэропортах и прочие массовые мероприятия. Он учил меня писать депутатские запросы и публичные речи, допускать в правильном месте нецензурное словцо и заставлять толпу обращаться к поиску великой национальной идеи. Я быстро натаскалась составлять тексты, которые пробирали аудиторию до костей, да и сама готова была рыдать, когда вытаскивала из принтера горячую отпе-

чатанную листовку.

С ним мы гоняли по ночной Москве, пили «напалм», мешая самбуку и абсент, думали о смысле и бессмысленности бытия, танцевали под экстази, обсуждали несбыточные мечты и хоронили любовь. Его – к какой-нибудь очередной южноафриканской фотомодели, или мою – к очередному подонку распространенного в средней полосе славянского типа.

Мы не были любовниками, хотя провели много ночей напролет вдвоем. Мы пили виски, курили, обсуждали его очередной любовный нокаут и мою отправленную в шредер страсть... И опять пили виски со льдом.

У нас был общий друг Кир. Или Кирилл. Известнейший журналист Кирилл Дамаданов. Когда мы собирались втроем, мы входили в резонанс со всей Вселенной, вернее, с самыми разрушительными ее силами.

Пару лет назад, в феврале, когда Димка вернулся из Непала, мы решили произвести ритуал воскурения благовоний у подножия статуи Шивы. В роли статуи – сувенирный формат индусского бога Шивы, не больше ладони. В роли благовоний – темный катышек на фольге... После ритуала мы отправились в «Этаж» на Тверской, где началось нереальное разрушение основ. Официанты не могли донести напитки до клиентов, опрокидывая на пол подносы с наполненными бокалами. В уборной дрались проститутки, вырывая друг у друга крашенные волосы. Мы пили виски прямо из горла, не рискуя обращаться к бармену и официантам, которые, как

фигуристы на льду, скользили на мокром от крепкого алкоголя паркете...

Кирилл только что устроился спецкором в газету «Новый Телеграф» и циклился на своих производственных планах. Я пыталась «халявить» и не пить, поскольку была за рулем. И вообще я тщетно собиралась домой: «Уже три часа ночи, завтра совещание в девять...».

– Да пусть сгорит твой «Телеграф»! – воскликнул Димка. – И ты, – он обратился ко мне, – иди к черту!

Хотя я просилась только на совещание.

Этой ночью сгорела редакция газеты «Новый Телеграф», причем вместе с издательским комплексом. А меня избивали и ограбили у подъезда, пытаясь, помимо сумки, отнять и новую норковую шубу. Бить человека ногами, лежащего на земле и одновременно снимать с него шубу – стратегическая ошибка. Избиваемый сворачивается в позу эмбриона, защищаясь от ударов, а снятие с эмбриона шкурки становится поистине невыполнимой задачей. Оторвали рукав и воротник. «Телеграф» быстро отстроили, шубу я починила.

Позже я узнала, что это была особенная ночь. Именно в то воскресенье мы разделили ритуал курения со ста пятьюдесятью тысячами индусскими брахманами и приверженцами культа Шивы. Ритуал сей проводился под кронами деревьев, рядом с храмом Пашупаинат в столице Непала, на восточной окраине Катманду, одном из самых святых мест для всех индусов. Вот что значит, по-моему, «входить в резонанс со Все-

ленной»...

Когда мы работали в паре, не было нам равных. Он всегда был стратегом, я тактиком. То есть он головой, а я шеей. Он говорил ЧТО делать, а я говорила КАК делать. Я была реализатором его гениальных идей. А он знал, что можно только придумать эту самую идею и назавтра она станет реальностью, потому что рядом была я. Собираясь к очередному спонсору для кампании какого-нибудь кандидата или партии, мы как пароль говорили: «Ну что, идем грабить банки?» Нам давали деньги на избирательные кампании прямо из сейфа – потому что с той минуты, как он появлялся в высоком кабинете какого-нибудь банкира, любой «денежный мешок» начинал безоговорочно верить Димкиной харизме. Бонн и Клайд. Я была Бони Паркер при своем Клайде Барроу. Только мы не были аферистами – мы отвечали за свои слова, и наши заказчики-кандидаты если и не приходили к финишу первыми, то их выборные кампании оставались в народной памяти как самые остросюжетные блокбастеры политического «голливуда» России...

...Димка сейчас очень болен, и я переживаю за него. Несколько месяцев его лечат лучшие доктора, в том числе нетрадиционные... Но ничего не помогает. У меня с собой всегда его диск – он когда-то записал альбом. Одна из моих любимых песен – «Следы на песке»... «Я молился богам, что не стоили свеч. Я молился богам, приносящим беду». Поклонение Шиве, все эти вудуистские ритуалы... А может,

в этом причина его болезни?».

– «Я оставляю тебе лишь следы на песке...» Такие слова этой песни. Значит, НИЧЕГО...

Я замолчала, листая список значимых людей в своей жизни, но он почему-то закончился...

– И это все? – прервал мои размышления Ян.

– Да, больше не могу никого вспомнить. Даже странно... Значимый... Это те двое, которые повлияли на развитие и становление моей личности... Которые как бы чему-то научили... Которые были своего рода «суфиями» рядом со мной. А я прилежной ученицей.

– Как бы... чему-то... своего рода... Опять возвращаешься к категориям неопределенности.

Я не совсем понимала, где «точка сборки» нашей встречи в формате платной психотерапии. Или, может, речь идет уже о психиатрии? Может, я категорически и неизлечима больна? Даст ли он мне ключ, или мне, как и раньше, придется в одиночку бродить в потемках моей кромешной и раздвоенной личности, которая мечется между белым и черным?

– Хочешь обратную связь? Когда я увидел тебя впервые, подумал – выжженная пустыня. Не потому, что в тебе нет жизни, а где-то внутри – пустота, аж ветер завывает. Ты боишься одиночества, тебе скучно с самой собой. Ты прибегаешь к сотне уловок, чтобы быть в постоянном движении – вечеринки, командировки, встречи у камина, забастовки на заводах, семинары о секретах женской привлека-

тельности и истоках мужской неверности – такое ощущение, что ты уже перепутала, где жизнь, а где работа. Ты устраиваешь эту круговерть с одной-единственной целью – не оставаться наедине с собой. Танцы, суфийские практики, сократовские диалоги... Да, ты пытаешься постоянно менять окраску, быть разной, играешь разные роли. То вздыхаешь, как Рената Литвинова, то перекидываешь ногу на ногу, как Шарон Стоун, то выступаешь, как Ильич на броневике – и это только узнаваемые образы. Перепрыгиваешь с одной темы на другую в разговоре, меняешь тембр голоса, пытаешься оказаться в центре внимания или, наоборот, выключаешься из общего разговора, погружаясь в философическое настроение... Но где ты – настоящая?..

Да, похоже, все мои уловки раскрыты. А я думала еще побыть в образе «привлекательной блондинки»...

– Ян, у меня довольно тонкая психическая конструкция. Я – лунная женщина Рак, я природный эмпат, я чувствую все энергии и считываю биты информации, проходящие через меня. Я не сплю в чужих домах, потому что слышу, сколько страданий впитали стены от прежних жильцов. Кроме того, я – самонастраивающаяся система, которая приспосабливается к изменяющимся условиям, автоматически меняя параметры настройки в зависимости от реакции собеседника, каких-то внешних обстоятельств...

– Если ты не управляешь этим процессом, а ты говоришь про «автоматический поиск», то это – аномалия.

– Я всегда была геомагнитной аномалией, Бермудским треугольником, где вечно штормит... Я искренне пытаюсь жить как люди, но я – другая. Сколько еще мне предстоит обманывать себя и окружающих?... Ты знаешь, в детстве, когда меня отвозили в деревню, я уже тогда испытывала это странное беспокойство – меня тянуло куда-то, словно звал голос, но не могла понять, куда. Иногда ночью я убегала в поле, к большому камню, и ждала, когда за мной прилетят. Я очень четко это чувствовала – меня должны забрать отсюда. Мне неуютно было в этом мире, я знала, что где-то есть другой мой мир, моя планета... Я оставляла записку, кажется, в книжке по астрономии: «НЕ ИЩИТЕ, МЕНЯ ЗАБРАЛИ К СВОИМ...» Но каждый раз возвращалась, потому что встреча, которую я ждала, не назначая, так и не происходила. И постепенно терялась надежда, моя уверенность в том, что спасение где-то очень-очень близко...

Теперь я уже была в новом «инопланетном» образе, который пришёл на смену трепетной «блондинки». Но этот образ, клянусь, тоже был частью меня. Хотя со стороны могло казаться, что я просто рассказываю одну сказку за другой.

– Во что ты веришь?

– Еще три недели назад я бы сказала просто: я верю в Бога, молюсь Святой Троице. Но сейчас, спустя три недели, не могу сказать с уверенностью... Я впервые поняла, что брать – это приятнее, чем отдавать. Я научилась давать отпор, вместо того, чтобы подставлять вторую щеку под

удар. Я увидела, что концепция «возлюби ближнего своего» не жизнеспособна в мире, где идет естественный отбор по Дарвину и где побеждают самые сильные и приспособленные... И Землю наследуют не «кроткие», а наглые и беспощадные... Фальшивый альтруизм против эгоистичного самоутверждения в этом мире... Я ощущаю себя в самых натуральных джунглях, несмотря на небоскребы мегаполиса, и все это урбанистическое общество. И действую по законам этих джунглей... с некоторых пор. И я вижу, как зло начинает пасовать передо мной, а вчерашние враги – заискивать.

– Откуда «мессиджи»? – Он понимал, что я начитанная девушка, которая бросается на любую литературу без разбора и так же не критично и без разбора принимает все на веру.

– Антон Шандор ЛаВей, один из недолгих любовников Мэрилин Монро. Правда, тогда он еще не был тем самым ЛаВеем, о котором узнал весь мир...

– «Сатанинская Библия»...

Я промолчала. Он тоже выдержал паузу:

– В Индии есть старое поверье, что, если поставить перед лебедем чашку с молоком, разбавленным водою, он выпьет все молоко и оставит воду. Глядя на тебя, я удивляюсь, с какой виртуозностью ты «выпиваешь» воду и выбрасываешь ценное знание.

– Я согласна, это особенность незрелого разума. Я когда-то умела отличать черное от белого, молоко от воды, но сейчас, точнее, последние три недели, я засомневалась...

– А что произошло три недели назад?

– Я... сняла... крест... Тот самый, с которым не расставалась никогда. И в оберегающую силу которого верила.

Я опять не сказала ему того, что хотела, и зачем, собственно, мы встретились. Я не находила слов, чтобы дать определение Иной Реальности, в которую шагнула.

Договор

Наш платный «академический час» психотерапии закончился, и мы решили зайти куда-нибудь выпить кофе. Он долго молчал, словно проводя какие-то подсчеты внутри себя. Потом открыл новую для меня линию огня:

– Зачем ты окружаешь себя болью? Люди, которые рядом с тобой, – они счастливы?

– Нет. Те, кто счастливы, – уходят. А остаются те, кто нуждается в помощи.

– И какую помощь ты можешь им дать?

– Кому-то я помогаю деньгами, другим – советом. Иногда человеку надо, чтобы его выслушали или кто-то побыл рядом, когда совсем плохо... Так плохо быть одиноким в ночи. Просто сидим в баре, беседуем, даем друг другу дурацкие советы и становится легче.

– Все эти тусовки по ночам, болтовня до утра – это жизнь, превращенная в текст! Вместо того чтобы идти вперед, ты застреваешь в чужих проблемах, проживая их как свои собственные.

– Может, это своего рода миссия – помогать, подчас жертвуя своим временем, энергией, словом. Ведь если что-то случится со мной, они тоже протянут руку помощи.

– Ты уверена? Вот если ты сейчас позвонишь своим так называемым друзьям и скажешь, что в беде, что тебе нужна

помощь, кто-нибудь откликнется?

– Конечно, этих людей не так много, но каждый из них откликнется. Более того, они сразу приедут.

– Уверена? – Да.

– Приедут из любопытства или потому, что хотят помочь?

– Я не знаю, право... Наверное, помочь.

– Осталось только проверить это. И я думаю, очень скоро ты сможешь это сделать.

– Ты как будто предвидишь что-то...

Мы зашли в стеклянный ресторанчик на Садовом кольце. Пока я снимала плащ, он остановился возле стойки с рекламными открытками, промотирующими алкоголь, досуг и дорогие игрушки для взрослых. Именно рестораны, по мнению профессиональных маркетологов, являются местом скопления особенной целевой аудитории – алкоголиков, празднующих и швыряющих деньгами потребителей. Подойдя к столику, за которым я расположилась, он разложил их веером, как карты в итоговом расчете преферанса, и предложил выбрать две.

Я вытащила пару открыток, не особо задумываясь, почему именно эти. На одной – бархатные чайные глаза Пенелопы Крус, на другой – переливающееся пеной через край пиво. Первая оказалась рекламой фильма «Ванильное небо», вторая – пивного бренда Beck's, который пытался убедить меня в том, что «Жизнь зовет. И ключ в твоих руках».

Он положил флаеры один на другой так, чтобы надпи-

си на открытках совпали, и я прочитала составленное предложение. «Каждая минута жизни – это шанс все изменить. И ключ в твоих руках».

Этот фокус я знала – берешь газетные заголовки и с помощью ножниц составляешь смешные фразы. Мне не было смешно. Я стала перебирать оставшиеся открытки.

«Твоя жизнь. Твой выбор». Телефоны Pantech.

«Каждое слово имеет значение». Бюро переводов.

«Мы повсюду». PR-агентство полного цикла.

«В этом сезоне дьявол придет на каблуках...» Фильм «Дьявол носит Prada».

Не хватало только цитаты из книги Линуса Торвальдса Just for fun: «Смысл жизни – секс, война, линукс», использованной в рекламе линукс – серверов IBM на американском рынке.

У меня закружилась голова от «знаковых» рекламных лозунгов. Как виртуозно рекламисты эксплуатируют вечные ценности и жонглируют смыслами, превращая их в слоганы и штампы. Свои рекламные концепции они строят на обращении человека к себе, на первобытных чувствах и страхах homo sapiensa... «Доверься своим чувствам». Baileys.

Я сложила открытки стопочкой и решила больше не рисковать. Ян изменил тон общения. Теперь он не был ни консультантом, ни доктором.

– Короче, выбирай сама. Я могу сказать тебе, и это будет обидно, но честно. А могу подождать в том месте, куда тебя

приволочет.

– Ян, это звучит жестко...

– Могу сказать, что тебя ждет.

– Тогда скажи! Лучше страшная правда, чем приятная ложь.

– Ты погибнешь. Тебя просто не станет.

– Я не поняла, в метафизическом смысле?

– Во всех смыслах. Ты нарушила программу, заложенную в тебя при рождении. Все, что ты делаешь, – это прожигаешь жизнь. Все, что тебе дано было свыше, – интуиция, поток, подключение к высшим сферам, – ты изгадила, забила мусором все каналы. А тот, кто не умеет воспользоваться даром, он все теряет.

– Прости, но какой дар? Интуиция? Я все время использовала этот «встроенный навигатор» по жизни, и она помогала мне стопроцентно предвидеть многие события. Участвовать в тендерах, делать выборные кампании с прогнозируемым результатом... Я помню, когда ощутила это в первый раз. Мы проводили каникулы на даче у моей школьной подруги, возвращались с озера. Я несла сетку с раками – зеленые, еще живые, они пытались выбраться на свободу. Неожиданно вдали показался почтовый «уазик», который направлялся к нашему дому. Я, помню, пошатнулась, схватилась за какую-то опору, сетка выпала из рук, и раки расползлись по траве. Чудовищная в своей неотвратимости мысль: они везут телеграмму для меня. «Не надо читать. Отвезите меня

на станцию. Я должна ехать». Это было извещение о смерти моего отца... С тех пор это ощущение дежа вю во мне постоянно. Как будто я сначала просматриваю «превью», некую демоверсию, а уже потом проживаю жизнь, получив ориентировку, чтобы не заблудиться... Иногда во сне, иногда в каких-то образах и знаках... Да, я не знаю, как это работает, но я использовала это.

– Использовала, не понимая механизма, не осознавая, зачем тебе ЭТО дано?

– Ты прав, я не знаю, как это работает. Скажи, а ты знаешь? Меня один человек спросил, как она работает, эта самая интуиция? Как устроен этот механизм? Ты можешь ответить?

– Почему ты всегда ждешь готового ответа? Подумай и поймешь сама.

– Я долго пыталась понять, нарисовать «электрическую схему» этого агрегата. Но потом начинала сбиваться – где интуиция, а где жесткое программирование обстоятельств. Ведь часто бывает, если ты задаешь прогноз будущего, то обстоятельства, да и ты сам, – все подстраивается под созданную модель этого будущего. Но я... Прости, Ян, но я не чувствую, что должна погибнуть. Я только начинаю жить, дышать, я влюблена. Впервые за всю свою жизнь я чувствую, как это чувство наполняет меня. Мне кажется, что сейчас я почти счастлива... Ты знаешь, я была больна, два месяца каждый день лежала под капельницами с растворами – и ни-

кто не мог поставить мне диагноз и вылечить. У меня не прослушивалось пятьдесят процентов легких, потому что я курила во время тяжелейшего бронхита и купалась в проруби на Крещение... В меня закачали килограммы антибиотиков. Но именно сейчас я абсолютно здорова. И врачи сказали – удивительное дело, но мы вас выписываем...

Я перевела дух и почему-то вспомнила Булгакова, тема Патриарших еще не выветрилась из моего сознания. *«Человек смертен, но это было бы еще полбеды. Плохо то, что он иногда внезапно смертен, вот в чем фокус...»* Я быстро попыталась освоиться в новой реальности и сохранить над ней контроль:

– Итак, ты сказал, что я погибну. Но должен же быть какой-то выход?

– Ты должна отказаться от всего мусора, из которого состоит твоя жизнь. Да, от всего придется отказаться. Все потерять.

– Друзей, любимую работу?

– Да.

– Прости, а как же мой ребенок?

– Он уже не ребенок.

– И ради чего? Ради неумозримого спасения? Ради каких таких реалий я должна отказаться от ВСЕГО?

– А ты уверена, что этот мир реален? Вот то, что ты видишь, думаешь, это реальность?

– Да, и я обратилась бы не к психоаналитику, а вambu-

латорную психиатрическую клинику, если бы сомневалась в этом. Но ты говорил, что есть путь...

– Да, путь есть. Я попробую помочь тебе. Я ускорю все процессы. На то, что у обычных людей уходит три года, я могу сделать за год. У меня обмен веществ выше, чем у обычных людей, в три раза.

Особенности его метаболизма меня не вдохновили, но я постаралась прийти к какому-то соглашению.

– Прости, но я деловая женщина, и прежде чем подписать контракт, должна ознакомиться с условиями и предметом этого договора. Здесь предмет непрозрачен, условия непонятны...

– А я не предлагаю контракт. Ты просто должна сказать «да» или «нет». И прежде всего ответить себе – ты хочешь жить или нет?

– Ян, я должна подумать... – На моем языке это означало «скорее всего, я вынуждена буду отказаться от вашего предложения». Но здесь я действительно хотела оттянуть время и еще побыть в состоянии эйфории последних трех недель. – Я всегда быстро принимаю решения, это особенность прищуща мне и в делах, я четко знаю, что и когда надо сделать для достижения наилучших результатов. Но здесь действительно нужно все взвесить.

Кроме того, есть еще одна причина, которую я так и не решилась ему открыть. Это уже второй договор, который мне предлагается в этом сезоне. И тот, первый контракт, соглас-

но которому я должна стать «примой мировой сцены», сейчас кажется мне более привлекательным.

Да, я решила повременить, ибо обстоятельства последних трех недель позволяли мне надеяться на иные источники жизненных сил и иные решения. С человеком ничего не может произойти, когда он наполнен радостью, когда он дышит полной грудью и готов делиться этой энергией со всем миром. Это Наверное была иллюзия, но в этот момент я свято верила, что нахожусь под особой защитой.

Он как будто прочитал мои мысли и назвал вещи своими именами:

– Что такое мир без иллюзий?

– Мир без иллюзий – это объективная реальность?

– Нет.

– Это трезвый взгляд на вещи? – Он промолчал.

– Это использование прежнего эмпирического опыта для предотвращения ошибок в будущем?

Я пыталась найти ответ на вопрос внутри себя, потому что не знала, к чему он клонит. И опять – авторитеты, цитаты, попытка анализа и синтеза. Мой мозг, как генератор случайных чисел, выдавал один ответ за другим, но все они были неверными.

– МИР БЕЗ ИЛЛЮЗИЙ – ЭТО СТРАХ. Вот так... –

На этом он дал понять, что наша встреча подошла к концу.

Я готова была поспорить, но почему-то не стала. Я была утомлена бесконечными играми разума. Стрелки перевали-

ли за полночь, в это время я всегда стараюсь задать свой «последний вопрос». Такая привычка у меня сохранилась с тех времен, когда я работала светским интервьюером и понимала, что и я, и мой визави устали друг от друга.

– И последний вопрос: почему ты тогда не сказал мне, что означает «шакти»?

– Зачем отвечать на вопросы, если ты сама можешь найти ответ?

– Я нашла его в Интернете. Шакти – это супруга Бога Шивы. Но в другом значении, в переводе с санскрита, шакти – это вселенская женская энергия, творящая сила божественного сознания, космический женский принцип...

Глава 2. Пробуждение

Я пишу все это отнюдь не для того, чтобы прошлое пережить снова, среди нынешнего моего беспросветного отчаяния, а для того, чтобы отделить адское от райского в странном, страшном, безумном мире нимфоплеши. ВЛАДИМИР НАБОКОВ. ЛОЛИТА

Три недели назад

«Здравствуй. Ты самая красивая девушка, я видел твою фотку... Считал бы за честь познакомиться с тобой, твой образ не дает мне покоя, я очарован... Не помню, чтобы такое со мной когда-то было... Всегда готов быть нужным и полезным тебе. Хочу услышать тебя, Дамир».

Это была самая первая эсэмэска от Дамира. Вернее, она пришла с неизвестного мне номера, ведь я еще не знала его телефона. «Щедрый аванс», – подумала я про человека, который увидел мою фотку на сайте консалтингового агентства «Пропаганда Плюс», в котором я работала. Среди нескольких целлулоидных женских лиц, прошедших через фотошоп нашего дизайнера, он выбрал меня.

...Брусникин. Его фамилия еще не раз появится на этих страницах. Директор по работе с VIP-клиентами моей кон-

торы, специализирующейся на политическом пиаре и «магических воздействиях» на общественное сознание. Работает в паре со своей супругой Ниной. Она его правая рука. Его путеводитель, навигатор, точка опоры. Именно она обратила внимание Дамира на ту страничку в Интернете, на которой был изображен такой же рукотворный и «отфотошопленный», как и остальные руководители фирмы, Вадим Брусникин.

– Посмотри, какая отличная фотка, как ему идет костюм и галстук! – говорила Нина, фиксируя редкую для ее супруга ипостась, – несмотря на общение с чиновниками самого высокого ранга, Брусникин не любил официоз в одежде.

Не слушая ее, Дамир скользнул взглядом ниже, где была моя фотография.

– А это кто?

– Градова, наш директор по организации мероприятий.

Далее наверняка последовало какое-то минимально лестное определение, поскольку этот разговор мне передал позже сам Дамир, и я подозреваю, опустив хорошую порцию скабрезностей в мой адрес.

То, что супружеская чета Брусникиных меня недолюбливала, я вполне допускала и принимала как факт без аргументов – сферы влияния в компании мы делили достаточно болезненно, и мне пришлось задействовать немалую силу воли, чтобы не только получить директорскую должность в компании, но и стать «равной среди высших».

Короче, Дамир выпросил мой телефон у Брусникина,

а Вадим, в свою очередь, предупредил меня о его звонке:

– У меня есть друг... Дамир... – Брусникин словно стеснялся своей будущей просьбы или некой особой миссии, которую осуществлял в данную минуту. – Он увидел твою фотографию на сайте и... короче, очень хочет с тобой познакомиться.

Такого я не ожидала. Во-первых, мы никогда не разговаривали с Брусникиным на личные темы, ограничиваясь вопросами корпоративного управления и клиентской политики. Во-вторых, я только что прочитала роман «Одиночество в Сети» Януша Вишневского и с тех пор мечтала о своем «Якубе» – образ, в котором автор воплотил вечную мечту женщин всего мира. А мечты, как говорится, сбываются. И наконец, все знакомые Брусникина, впрочем, как и он сам, – это люди солидные и им можно доверять. Я почувствовала азарт.

– А кто он такой?

Тут мой товарищ по оружию смутился еще больше, но выдал несколько характеристик:

– Он массажист. Один из лучших в Москве. Он из Казани. Мусульманин. Бывший священник. Хороший парень, ему тридцать семь лет, только он как ребенок, никак не повзрослеет, немного не серьезный...

– Мне тоже говорят, что мой биологический возраст не соответствует состоянию души. Бывший священник и массажист? Я практически заинтригована.

– Ну, в общем, он позвонит, если ты не против, а то он уже замучил меня – дай телефон, дай телефон...

«Ну что ж, почему бы не пообщаться с хорошим человеком», – решила я. Сайт. Сеть. Судьбоносное знакомство. Все эти понятия ложились на хорошо удобренную польским бестселлером почву.

Дамир... Мне понравилось это имя. «Да» и «Мир». Я хорошо помню его первый звонок, который должен был продлиться несколько минут, но мы проболтали больше часа.

Он все время говорил о моей красоте, а я пыталась остановить его:

– Подожди, это всего лишь фотография. Ты не видел меня.

– Мне не надо видеть тебя, я увидел твои глаза и все понял – хотя мне трудно произнести – это то, что я искал. Мне не важно, фотошоп или что-то еще... Я видел твои глаза. Мне казалось, что я заглянул в твою душу. Я хочу с тобой встретиться...

Его слова были настолько проникновенны, что во мне пробудился неподдельный интерес к человеку, который может заглянуть в душу на расстоянии.

– Прости, ты говоришь, заглянул в душу... И что ты увидел?

– Бездну. – Он словно был готов к моему вопросу. – Я увидел БЕЗДНУ. Красивая женщина в дорогом костюме, которая хочет казаться для всех сильной. А в глазах – галакти-

ческое одиночество.

– Но я не одинока, у меня есть...

– Я уверен, у тебя десятки поклонников, но среди них ты не можешь найти того, кто тебе действительно нужен.

– И что же мне нужно?

– Ты хочешь стать по-настоящему сильной, но тебе нужна опора. Это и много и мало, но для того, чтобы состояться в жизни, человек не может быть один, одиночество – это дыра, в которую уходит вся накопленная энергия.

– Моя жизнь наполнена. Работа, сын, масса интересных хобби – йога, танцы, горные лыжи, книги...

– Бегство. Шараханье от самой себя. Твоя жизнь – это зал ожидания. Здесь нет ничего твоего... Ты сидишь и ждешь, когда придет твой экспресс и ты сможешь продолжить свой путь.

– Это какая-то наглядная агитация! Ты словно говоришь, что мне не хватает тебя...

– А вдруг... мне тоже не хватает тебя?

Я не знала, что ответить. Конечно, я согласилась на встречу, конечно, я не стала тянуть время, и мы договорились созвониться на этой неделе, в четверг. Все его реплики были так точны, как будто он и правда собрал обо мне информацию или на самом деле, увидел что-то в глазах.

Положив трубку, я очень четко ощутила, как внутри завелось весьма странное для меня заочное влечение. «Мне все равно, как он выглядит и какого он роста, – пыталась я рас-

шифровать телеграммы внутреннего голоса. – Я хочу его, я чувствую его, я тоже ждала его...» Я попыталась отряхнуть-ся, как от наваждения. Слишком ранняя эйфория, и всего лишь от одного звонка. Тем более что я обманула его. В моем списке «работа, сын, хобби...» был еще Иван.

«Иван – моя жизненная удача на излете жизни, на закате дней», – в шутку говорила я подругам. Он любит меня, и это существенно. Он женат, и это необратимо. Мы много лет были не вместе, но рядом, потому что никого лучше своего Ивана за эти годы я встретить так и не смогла.

Он готовит мне ужин, убирает коробки из-под полуфабрикатов, разбросанные по всей кухне, каждое утро будит меня звонком вместо будильника, потому что, как истинно деловая женщина, я реагирую только на трели мобильного. Что бы ни случилось – авария, проколотое колесо, пьяные посиделки, – он всегда приедет и доставит меня домой. В общем, отличную характеристику я дала одному из самых верных своих поклонников, не пожалев красок. Но это почти правда – наши отношения уже давно зашли в тупик. Он слишком хорош, я слишком безалаберна. Он видит во мне только женщину, которую надо просто любить, а я требую от него понимания моей мятежной души. Два в одном флаконе не бывает, поэтому я все-таки хранила от штормов наши отношения, как старей, немодный, но дорогой сердцу сервиз.

К слову сказать, я веду блог в Интернете, личный журнал

в ЖЖ, где я по настроению оставляю разные «интимные» записи. Это короткие новеллы или, скорее, письма бывшим возлюбленным, с которыми я не могу разговаривать иначе, чем в Сети. Интернет не является средством доставки этих писем, потому что никто мой блог не читает, разве что случайные интернет-путешественники. А если письмо нельзя отправить адресату, мы кладем записку в бутылку и бросаем ее в море в надежде, что кто-то когда-нибудь найдет...

Так мы поступаем, если мы на необитаемом острове. С некоторых пор я и сама оказалась на этом необитаемом острове, который спрятан внутри меня и где единственная связь с миром – это Сеть. И я веду диалог с собой или с тем, кто когда-то был дорог мне. Иногда мне отвечают – чужие, незнакомые люди, а мне кажется, что со мной говорят мои адресаты...

Вот одна из таких записок, брошенных в море. Вдруг кто-то найдет...

ИДЕАЛЬНЫЙ МУЖЧИНА

Из блога Олеси Градовой «Диагноз: Любовь»

Сколько ты будешь терпеть меня, которая не любит? Когда ты поймешь, что я всего лишь позволяю тебе быть рядом, потому что у тебя есть уникальное качество – удовлетворять мельчайшие женские капризы, окутывая пледом обожания. Сможешь ли ты смириться с тем, что я рядом с тобой, но моя

душа ищет совсем другого...

Склонность к состраданию, слабость и практичность – вот те качества, которые не позволяют женщине признаться в нелюбви. Отказаться от тебя не решусь, потому что природа не терпит пустоты. Если тебя не станет в моей жизни, я лишусь друга – близкого, нежного и искреннего. Обретая свободу, я погружаюсь в одиночество, которое стало моей навязчивой фобией.

Каждый день рядом, или звонок, или письмо. Каждый раз цветы, или конфеты, или книжка. Почему я не могу полюбить тебя, почему мое тело принимает тебя, как тепло камина, когда вынырнешь из зимнего вечера, как глоток сливочного ликера, когда не хочется пить, а только наслаждаться? Не жизненно важная потребность, а штрих, дополняющий практически полноцветную картину бытия. Принимаю, но не отдаю себя.

Мне легко говорить тебе нежные слова, ибо они стали привычны за эти годы. В отличие от меня ты вкладываешь в них смысл и душу. Но я не могу платить тебе той же монетой. Я не обменный пункт, где можно сыграть на разнице конвертации, я – финансовая пирамида, которая обещает приумножить, а отнимает последнее. Это несправедливо и жестко, но, наверное, это гуманнее, чем сказать: «Больше не надо».

Ты, прочитавший мои записки в ноутбуке, пытался устроить мне сцену ревности. Я расставила все точки над «i» бес-

пристрастным и лишенным оттенков голосом. «Или ты понимаешь, что это беллетристика, или считаешь это изменой». Какая буря бушевала в твоей душе, как тебе хотелось выяснить отношения и заставить меня оправдываться. Отрекаться, топтать живое... Но это был тоже твой выбор – признать это игрой воображения... «Ты же знаешь, я фантазерка, которая мечтает написать книжку».

Я надеюсь, что ты уйдешь сам. Устанешь, охладеешь, увлечешься другой женщиной. А ты говоришь: «Никогда», никогда не сможешь разлюбить и не сможешь уйти. Ты даже не позволяешь мне быть несчастной и брошенной.

Ты по-прежнему и по-настоящему идеальный. Таких сейчас не производят. Всегда цветы, или конфеты, или книжка. Я едва успеваю сказать тебе – ты идеальный. А я плохая, нелогичная, сумасбродная, постоянно куда-то уезжаю, забываю позвонить, трачу все деньги в первые сутки после полочки. «Нужна тебе такая?» – «Нужна». – «Ты меня бросишь?» – «Никогда». – «Так не бывает...».

Смотрю на тебя, как на чудо природы. Так смотрят на радугу после дождя, удивляясь недолгому чуду, несколько минут – и видение исчезает, ты едва успеваешь сказать тем, кто рядом: «Смотрите, радуга...».

Что нас ждет? Пытаюсь представить себя рядом с тобой. Как на тех снимках, которые я нашла на твоей даче. Украденное счастье, кусочек чужой жизни. Фотографии вклеены в альбом, какие-то просто вложены между страницами.

Смешные люди, которых уже нет и никогда не будет, смотрят в объектив. Мужчина, похожий на тебя, женщина, похожая на меня, только глаза светлые, спокойные. Были ли у меня когда-нибудь такие глаза? Сходство быстро сходит на нет. Немного близкий очерк скул, брови взлет, яркая помада на губах. Такая же, как я, только моложе на десять лет, чем я, и на пятнадцать, чем она сейчас, только счастливее, чем я в сумме за свои тридцать шесть. Малыш на руках, похожий на отца. Смешные люди, которых нет, остались в этом кадре. Другие, на пятнадцать лет старше – приходят в этот дом. У нее такие же светлые глаза, такая же улыбка? Или годы, проведенные с идеальным мужчиной, изменили ее, как закат солнца погружает в тень мраморную Венеру в старинном графском парке?

Идеальных мужей не бросают. «Ну нашел какую-то шалаву, с кем не бывает». Думай так, если тебе легче... Я ведь тоже искала свое, но нашла лишь чужое. Будь спокойна, не отниму, сохраню, вина его лишь нежностью к тебе отзовется. Измена, оставшаяся тайной, приумножает то, чем ты обладаешь.

А я... что останется в моих руках? Радуга. Многоцветная, удивительная, едва успеешь посчитать полоски. Исчезает, начиная с краев, касающихся земли. Потом где-то высоко – лишь кусочек, осколок разноцветья. И совсем растает в синем промытом небе. Где-то, когда-то ее увидят другие...

Это письмо, написанное моему Ивану, не отправлено по понятной причине – есть вещи, в которых никогда нельзя признаваться. А он нашел эти записки в моем компьютере, и старое зеркало раскололось...

Здесь и далее я буду цитировать свой личный блог на ЖЖ. Во-первых, мне нравятся эти лиричные письма-новеллы. А во-вторых, они позволяют достроить образ главной героини, открыв второй план – некое дополнение к имиджу гламурного и поверхностного женского персонажа, который появляется в начале книги.

Когда мой роман был опубликован первый раз, читатели присылали гневные рецензии. Их возмущало все – и повествование от первого лица, и самолюбование главной героини, и ее нравственная незрелость, и обилие эротических сцен. И правда, я не попыталась сделать своего персонажа привлекательным в угоду потребности аудитории сопереживать главному герою или отождествлять себя с ним – я хотела сделать историю абсолютно, стерильно близкой к реальности. Ведь это история одной маленькой девочки, которая никак не хотела взрослеть. Я словно опять оправдываю себя? Да, я выдаю индульгенцию на последующее развитие сюжета в том виде, в котором это было записано в моем блокноте.

Измена

По большому счету Иван был тем самым идеальным мужчиной, который не мешал мне жить и при этом всегда был рядом. Он не пытался изменить меня, принимая такой, какая есть, не считал меня ненормальной и тем самым стабилизировал мою внутреннюю ирреальность.

Я могла работать, влюбляться, путешествовать – когда и с кем захочу. Он просто отходил в сторону и ждал моего возвращения – из очередного романа или из очередной командировки, ожидая моего рейса в Шереметьево. Именно поэтому мы были вместе столько лет.

В контексте грядущей встречи с Дамиром я подумала – а надо ли тянуть прошлое в новую и, возможно, захватывающую историю? Может, перечеркнуть все и отказаться от развития тупиковой ветви сюжета? Рано или поздно я должна была уйти от Ивана. Мне нужна СВОЯ жизнь... Так я начала приводить различные доводы и убеждать себя, оправдывая жажду новых, будоражащих кровь приключений.

Я записала номер Дамира в записную книжку и еще раз улыбнулась зигзагу удачи – вот как бывает, что люди встречаются благодаря высоким технологиям.

Изменяла ли я раньше Ивану? Один раз. Скоропостижный роман, и меня отправили в виртуальный шредер. Или я сама ушла? Я никогда не могла понять, что произошло.

Страдала несколько недель, потом излила свою историю без хэппи-энда на бумагу, то есть в файл Word, вывесила ее в личном блоге и собирала рецензии незнакомых читателей.

Тогда я все-таки решилась отправить файл герою своего рассказа, убеждая себя, что в каждой истории надо поставить точку. У меня же есть право на последнее слово, – так человек, осужденный на казнь на электрическом стуле, просит закурить напоследок.

Ради справедливости я включу в текст повествования еще один рассказ. Вот эта романтическая история, которая произошла со мной зимой в одном из артистических кафе. Как любое литературное произведение, он содержит гиперболы, но вполне достоверно передает представление о художественном восприятии жизни, коим я от рождения грешу. Итак, «Последнее танго». Не стащить название у Бертолуччи я не могла, во мне еще жив журналист, который использует чужие находки для придания значимости и блеска своим одnodневым электронным текстам.

ULTIMO TANGO

Из блога Олеси Градовой «Диагноз: Любовь»

- Я не знаю твоего имени, – сказала Жанна.*
- У меня нет имени...*
- Сказать тебе, как меня зовут?*
- Нет.*
- Но меня...*

– Не хочу я знать твоего имени, – заявил он с угрозой, упершись взглядом в ее глаза. – Нет у тебя имени, и у меня тоже нет. Тут никого никак не зовут. Никого! РОБЕРТ ЭЛЛИ. ПОСЛЕДНЕЕ ТАНГО В ПАРИЖЕ

Я танцевала для тебя. Я отдавалась тебе в танце. Свидетели моего грехопадения подливали мутную жидкость в бокалы и ритмично пилили в тарелках пережаренные стейки. Впрочем, я не знаю, что было в их тарелках, – я видела только твои глаза, эти глаза напротив, через весь зал, поверх десятков голов самоуглубленных друг в друга романтических пар. Это был театр теней, где тенями становились все, кто не попадал в траекторию инфракрасного луча, исходящего из моих глаз.

Ты, традиционно окруженный свитой гламурных девочек, предположительно из сферы медиа или иных престижных сфер, нарочито лишенных белья и одетых в несколько тончайших туник поверх тугих тел, дарил себя всем, – но принадлежал мне. И это было мое решение, моя уверенность – инфракрасный луч, против законов физики, растворял твоих спутниц. На полу оставались только многослойные красно-розовые туники, плоско растекающиеся по паркету, как выплеснутый из граненого стакана брусничный кисель.

Ты шел ко мне через весь зал, сквозь узкий проход между тесно сдвинутыми столиками, задевая сумочки и плащи, висевшие на спинках стульев, которые некогда принадлежа-

ли теням. Дерзким и энергичным движением, свойственным танго, прижал меня к себе, потом резко оттолкнул, элегантно перевел во вращение под своей рукой, затем в обратную сторону, придерживая меня за ремешок брюк полярно пряжке, и на восьмом обороте вокруг своей оси я поняла, что погибла.

И эта сладкая мысль означала для меня высшую степень желаяния и будущего наслаждения. Что может быть лучше – обладать объектом своей страсти, прижимаясь в танце ближе дозволенного и не скрывая от посетителей богемного ночного кафе вибрации каждой клетки тела, снятого с тормозов? Мы уехали вместе, мы гоняли ночью по Варшавке, по Дмитровке, по Рязанке, разрывая ночной мрак шоссе и стараясь не касаться друг друга... Слишком большой город, чтобы встретиться, слишком маленький, чтобы спрятаться. Я бежала от себя, выжимая из двухлитрового двигателя скорость звука. «Я никогда не был одинок, потому что я такой клёвый, я никогда не был умен, потому что этого и не надо...» – новомодный Налич из динамиков в его вольном переводе звучал автобиографично.

Ты позвал меня к себе, я отказалась. Я боялась, что небо разверзнется, возгорится проводка во всем доме. Опыты с электричеством мне особенно удавались – однажды уже я оставила без света почасовой отель, а еще раз после моего визита пришлось настраивать всю электронику. Мой конек – разрушительная энергия любви вместо созидания...

Потом дни и месяцы ожиданий с постоянными попытками забыть о нашем танго в ночном кафе. Потом опять случайная встреча, опять поездка по предрассветному городу, потом опять мой отказ. Ты помнишь, как меня зовут? Мне неудобно повторять свое имя спустя столько недель после знакомства. Все, что могло произойти между нами, – произошло в моих фантазиях и снах. Мы на одной волне, мы одной крови, мы молчим, понимая друг друга, мы разговариваем, хотя слова лишние. Полное совпадение по резьбе, по скорости дыхания, по вольтажу в венах.

Третий раз, когда мы встретились в том же богемном местечке, уже не надо было что-то объяснять. Слова нужны, когда нет понимания. Из надтреснутых динамиков все тот же бывший архитектор, прославившийся через Youtube, ласкал слух своей *Gitar, gitar, gitar...*

– *Come to my boudoir, Baby*, – сказал он словами из песни Налича...

– *Jump to my Yaguar*, – я предложила вновь прокатиться по ночной Москве.

Он смахнул снежную пыль с моего «ягуара», в который, как тыква в сказке, превратилась маленькая японочка. Я ласково стряхнула снег с полы его длинного пальто. Он остановил мою ладонь и взглянул в глаза:

– Ты можешь разбить себе сердце...

– У меня уже давно нет сердца... – соврала я.

Твоя берлога, пентхаус с косым потолком на последнем

этаже, была мила уж тем, что здесь обитаешь ты. Раскрытый ноутбук, на шелке постели – кисть винограда в стеклянной широкой чаше. Книжки – разные – везде. Ты читаешь много, но не можешь сосредоточиться долго на одной. Впрочем, так во всем.

Ты целовал каждую мою ресничку, ты брал мое лицо в ладони и говорил нежнейшие слова. Я для тебя была красивой. Желанной. Самой нежной. Но ты не спешил.

– Я боюсь тебя. Ты ведьма.

– Не бойся, я добрая ведьма с Портобелло.

– С Портобелло-роуд? – В его глазах был ужас, искрящийся весельем. – Я боюсь утонуть в тебе... Я боюсь привыкнуть к тебе.

– Ныряй, не бойся, я буду с тобой столько, сколько ты захочешь. И не буду столько же...

– Откуда ты взялась?

– «Скажи откуда ты взялась, Ты от какой отбилась стаи?...»

Если ты веришь в теорию параллельных миров, значит, я оттуда. – Другого объяснения я не смогла найти, и это было почти что правдой.

И я, ощущая всей кожей, что это возможно лишь один раз, брала всё, что могла получить от мужчины. Как если бы мне дали самый сладкий коктейль и сказали: «Ты можешь пить сколько хочешь, но только один глоток». Задыхаясь, жадно, без остановки, до дна... Такая это была ночь, когда сбывались мечты.

Я не спала. Нежно гладила его волосы. Я думала, что пора идти, но не могла потревожить его спокойный сон. Я пыталась запомнить черты лица, небритую щеку, ресницы со светлыми кончиками, из-за которых, казалось, искрились его глаза, беззащитную позу спящего и усталого мужчины. Я думала о том, что не оставлю свой номер телефона, это выглядело бы пошлым. Я собрала его одежду, разбросанную на полу, укрыла одеялом. Вышла в коридор. Боялась стучать каблуками. Выходя, не пыталась запомнить дорогу назад. Это тоже мое решение? Нет, это мой страх.

Я боюсь утонуть в тебе. Ты пришел из моих снов, ты не будешь со мной столько, сколько я захочу. Помню, когда я целовала тебя, спящего, долго соприкасаясь с твоей колюче-нежной щекой, ты прошептал не мое имя. Я подумала с теплотой о той, которой оно принадлежало. Ты прижал ее крепко к себе, пытаясь согреться или согреть, тебе было спокойно и хорошо. Мне показалось, что ее многослойная брусничного цвета пахнущая шанелью туника лежала на кресле.

«Она, наверное, тоже с Портобелло-роуд, – подумала я. – А ты опять превращаешь свою жизнь в кинематограф... Камера Витторио Сторраро снимает героев на фоне красно-розового – сумасшедших цветов Фрэнсиса Бэкона, любимого художника Бертолуччи. Гато Барбьери выдувает из своего латинского саксофона удивительно красивое отчаяние. Ultimo Tango».

I've never been lonely, because me so cool

I've never been clever, because need it never
Петр Налич, Gitar

На одном из концертов модного Петра Налича мы встретились с моим февральским знакомым. Улыбались, мило раскланялись, он обещал позвонить. Он не обманывал – в ту минуту, когда видел меня, он действительно хотел мне позвонить. Короче, после него я поклялась себе оставаться с человеком, который любит меня и никогда не бросит. То есть с Иваном.

И все-таки «Последнее танго» я решила отправить адресату. Нашла его в Фейсбуке. Я уже говорила о своей страсти ставить жирную точку на отношениях, то есть в конце этих отношений. Вот его последние слова, адресованные мне в ЭТОЙ жизни:

«Это, конечно, сбивает с ног. Мне, наверное, еще понадобится какое-то время, чтобы прийти в себя. Спасибо и прости».

Весьма и весьма романтично... Времени, как оказалось, ему действительно потребовалось немало – вся оставшаяся жизнь. Чтобы я делала без присущего мне здорового цинизма? Утонула бы в соплях... Но сейчас на подходе love story, которая, не исключено, подарит моему давно не обновляемому блогу свежую запись или короткую новеллу. Знала ли я тогда, что одним коротким рассказом здесь не обойдешься, а придется мыслить в масштабе «Войны и мира».

С тех пор, как я услышала его голос, я все время дума-

ла о нем. Какой он, Дамир? Какие у него волосы, глаза, какой рост? При этом я признавалась себе, что все это не важно – каким бы он ни был, у нас очень, очень много общего. И еще – у него исключительная способность «настраиваться» на мою волну.

Я: Мужчины и женщины – посланцы с разных планет.

Он: Все люди на этой земле – с разных планет, и всю жизнь они ищут «своих», узнавая по каким-то особым знакам.

Я: И удастся найти?

Он: Если повезет.

Я: А тебе везло?

Он: Пока, видимо, нет...

Я: Морально я с тобой.

Он: Лучше бы ты была со мной аморально!

Я испытывала доверие и интерес, магнетизм влечения и ощущение «совпадения по частоте». Он мой человек, он говорит красиво и образно, почти как я. У него мгновенная реакция, он понимает тончайшие оттенки моего подчас грубоватого и черного юмора.

Он с легкостью «отбивает» любую подачу. Доброжелателен, оптимистичен, уверен в себе, не допускает существования отрицательных эмоций... Многообещающее начало, если учесть, что я давно разучилась разговаривать с мужчинами.

С теми, кто был до него, мы не разговаривали. Мы поддерживали беседу. Мы спорили о политике и обсуждали мат-

ричную систему менеджмента. Мы думали о том, куда поехать на выходные, и где подают лучшие устрицы. Роскошь игры в слова – как редко мне удавалось найти достойного собеседника.

С теми, кто был до него, я не могла говорить о том, что меня действительно волнует, – основы мироздания, ощущения, подсознание... А точнее, он единственный мужчина, который действительно увидел мою «бездну».

Те, кто были до него, словно мотыльки подлетали к раскаленному абажуру и исчезали, почувствовав опасность. Вся моя жизнь до него – это поиск мужчины, который не испугается заглянуть внутрь, с которым я смогу без страха прыгнуть с обрыва или отправиться в Космос. Этот поиск и был моим смыслом. В тот момент, когда я утратила надежду найти свою потерянную во Вселенной половинку, я начала искать другие смыслы – православие, буддизм, суфии... Все это, как он правильно сказал, «шараханье» не приносило результатов – я искала покой и гармонию, но запутывалась все больше и больше.

Я и сама почувствовала в нем бездну и готова была нырнуть в нее. Но как всякий осторожный и склонный к рефлексии человек, останавливала себя – надо прощупать дно, надо понять, на каком фундаменте стоит это здание, надо понять мотив... Ну, к примеру, почему человек, уверенный в себе, обладающий невероятно притягательным и сексуальным голосом, присматривает себе девушку в Интернете? И хотя ис-

тория нашего знакомства «из рук в руки» благодаря моему хорошему знакомому Брусникину вполне тянет на какое-нибудь рядовое объяснение, меня не оставляло беспокойство, связанное с каким-то роковым замыслом. Причем того же самого Брусникина, который, как я спинным мозгом чувствовала, не преминет свести со мной счеты при первой возможности. Тем более что уязвимые места женщины, которая носит короткие облегающие платья, вполне обозримы на открытой местности.

Может, это действительно случай, который бывает один на миллион? И я, как локатор, улавливающий сигналы из Космоса, все время жду встречного движения от какого-нибудь случайного мужчины. И, как правило, нахожу...

Первое свидание

Перехожу к описанию нашего первого свидания с человеком по имени Дамир. К слову сказать, я быстро забыла, что назначила ему встречу на четверг. Как много раз до него, я привыкла, что встреча будет переноситься со дня на день, и, исходя из опыта «прошлых жизней», запланировала на четверг поездку в клуб «АртеFAQ», где мы и собирались устраивать тогда суфийскую вечеринку.

В обед Ян прислал мне и Инге приглашение на ток-шоу с известным маркетологом, приехавшим с «Каннских львов» – международного фестиваля рекламы. Кроме того, у нас оставался ряд вопросов по нашему мини-концерту, которые нужно было согласовать с арт-менеджером клуба.

Мы должны были обсудить интерьер, рассадку, поговорить с техником по звуку и передать приглашения-флаеры на вечеринку «Танец Жизни». В общем, я уже завязалась со многими важными с организационной точки зрения людьми, а потому решила не отменять визит в клуб, когда мне позвонил Дамир. Я была немного удивлена его пунктуальностью: он позвонил тогда, когда обещал, и вечер четверга у него был запланировано свободен.

– Отлично! Я сегодня вечером еду в «АртеFAQ», быстро решаю все вопросы, и ты подъезжаешь туда часам к десяти. Я там буду с подругой, но я, надеюсь, это не испугает тебя?

– Нет, конечно, твоя подружка... Я хотел сказать «и мой друг», – он засмеялся, – но это, наверное, преувеличение... Я буду рад встретиться с тобой в этом клубе, тем более я так давно не вылезал в центр из своего Митино. Какие цветы тебе нравятся?

– Ой, не знаю. Ну, подари те, которые будут для тебя ассоциироваться с моим образом. Подойдешь к цветочному киоску и сразу все почувствуешь. – Я начала сочинять: – Например, дикая орхидея...

(Вот если бы он был похож на Микки Рурка, я бы стала его Кэрри Отис. Я уже начала предаваться кинематографическим фантазиям).

– ОК, я буду медитировать!

Он повесил трубку, и тут я подумала, что даже не спросила, как он будет выглядеть. Хотя, полагаясь на сердце, не сомневалась, что узнаю его из тысячи.

Мы с Ингой подъехали в клуб в начале восьмого, когда ток-шоу уже началось. Юноша с длинными, как у девицы, волосами, цитировал «99 франков» моего любимого Бегбедера:

– Особенно запомнились десять заповедей креатора. Из них здесь стоит привести заповедь номер восемь: «Никогда ни у кого не спрашивай мнения. Интересуясь чужим мнением, ты всегда рискуешь его услышать. А услышав, возможно, должен будешь с ним считаться». И бесспорно великая вещь – десятая заповедь: «Когда твой собрат-креатор де-

монстрирует тебе удачный слоган, главное – не выдать своего восхищения». Как надо знать мир творцов от рекламы, чтобы так писать!..

Я подумала, как интересно, каждый может изобрести себе заповеди. Реклама – это своего рода религия со своими обрядами, ритуалами, нагорными проповедями, своими богами и апостолами... Как люди виртуозно формируют реальность и ее фундаментальные правила! Может, надо создать Библию рекламы или Евангелие от политтехнолога, чтобы обеспечить и себе упоминания в самой читаемой книге мира?..

Телефон не ловил сигнал – подвальное помещение, не пробиваемое сотовыми вышками. В десять часов я временно покинула ток-шоу и пошла навстречу своему герою. Велико же было мое разочарование, когда навстречу мне, улыбаясь, по лестнице спускался плотненький татарского вида мужичонка, ростом на полголовы ниже меня. Вот тут я вспомнила все свои обещания: «Мне не важно, как он выглядит»...

Я лучезарно улыбнулась ему, в душе проклиная тот день, когда купилась на интернет-разводку. Он начал знакомство «с разбега»:

- Привет, как дела?
- Бывало и лучше.
- Чего-то не в духе?
- Да, скучно что-то...

– Я Равиль, а тебя как зовут?

– Равиль! – возмущенно воскликнула я, вопрошая и уже готовая отвесить ему пощечину за обман. – А ты что тут делаешь Равиль?

– Болтаюсь по клубам...

– Удачи, милый Равиль... – я выдохнула. Это было всего лишь Первое Испытание. Уж лучше я вернусь в зал и спрячусь где-нибудь за барной стойкой. Наилучшая диспозиция с точки зрения просматриваемости помещения и незаметной ретировки.

Внезапно я схватила Ингу за руку и сжала ее ладонь. Вот он, мой Дамир! Он стоял у входа с огромным букетом темно-бордовых, почти черных роз с тонкими белыми прожилками. Я почувствовала слабость в ногах, но взяла себя в руки и, по-кошачьи мягко ступая, двинулась к нему навстречу. Чуть позже в голосовые связки вернулась уверенность и требуемая по ситуации беззаботность.

– Привет! Ты как раз вовремя. Это ерундовое ток-шоу уже заканчивается, и теперь самое интересное – ролики с «Каннских львов».

– Привет! В жизни ты даже лучше, чем на фотке. Если хочешь, мы посмотрим твои ролики, а потом я предложу тебе кофе.

– Отлично. Это моя подруга Инга. Она – психолог, директор тренинговой компании. Прекрасно разбирается в людях, – шепнула я ему. – Я без нее никогда бы не решилась

с тобой встретиться. Она мой ангел-хранитель.

– Я так и понял, что ты решила взять с собой подругу, потому что не решалась встретиться один на один, – ответил он также шепотом. – Ну что ж, если ты поймешь, что я не опасен, мы сможем потом встречаться тет-а-тет?

– Конечно, я и так вижу, что ты не маньяк.

Мы мешали окружающим смотреть шедевры от рекламы, поэтому я предложила перебраться в чайный зал. Официантка принесла вазу для цветов и огромный чайник цветочного маргантау. Через некоторое время моя чудесная подруга присоединилась к нам. При слове «массажист» Инга сразу схватилась за поясницу и начала интересоваться, что делать, когда болит «вот здесь».

– Ин, а если он тебя сейчас начнет спрашивать про нематериальную мотивацию персонала? – пыталась отшутиться я, чтобы прервать разговоры на «узко профессиональные» темы. Но он решительно был готов консультировать:

– Это, скорее всего, защемление нерва. Но есть замечательные упражнения, могу показать, ну и, конечно, посоветую пройти курс массажа. Позвоночник – это энергетический канал...

Пока он давал консультации, я украдкой наблюдала за его мимикой, тембром голоса, движениями. Узкий разрез глаз, как у Киану Ривза, мне всегда был симпатичен этот типаж. Они немного похожи, только «матричный» Ривз никогда не улыбается.

Нравится он мне. Красивый. Чертики в глазах. Я начинаю кокетничать – так со мной происходит, когда я хочу произвести впечатление и в ускоренном темпе сократить дистанцию. В такие моменты хочется выглядеть достойно и умно, но сохранить необходимую отстраненность, увы, не получается. Уже начинаю болтать без умолку, румянец, я чувствую, расплзается во всю щеку. Я проверяю в зеркальце, не сбилась ли пудра...

– Мне нравится, когда женщина ТАК смотрится в зеркало. Ты ведь себе нравишься и при этом знаешь, что нравишься мужчинам. У тебя в глазах лукавство и самовлюбленность.

– Просто здесь жарко и у меня горит лицо.

Я машу руками, как веером, и возвожу глаза в сторону софитов, чувствуя себя актрисой захудалого театра.

– Я потрясен. Ты невероятно, невозможно красивая женщина. И если еще окажешься умной и чувственной, я просто не поверю, что такое бывает.

Где-то полушуткой, где-то почти всерьез мы обменивались любезностями и особыми, заметными уже не только нам сигналами. Да, мне очень хотелось показать, что я умна и чувственна.

– Я, кажется, начинаю быть лишней, – сопоставила происходящее Инга.

– Нет, Ин, останься, выпей еще чашечку чая. Сейчас уже пойдем на воздух.

Почему-то не хотелось ее отпускать. Мне было спокойно,

пока она рядом. Она не только заполняет светской болтовней возникающие паузы – кстати, часто используемое мною качество – она умеет создать дружескую и очень искреннюю атмосферу. Кроме того, как психолог, прекрасно разбирается в людях...

Все-таки она осталась. Официант принес еще один чайник на троих. Мне хотелось затронуть более серьезные темы для того, чтобы блеснуть познаниями и прощупать его собственный бэкграунд.

– Как тебе наша идея – «суфийская вечеринка»? – Я уже сроднилась с этой идеей и считала ее своей.

– Звучит заманчиво.

– Ты знаешь, чем привлекает меня суфизм? Тем, что это не просто религия, это – философия, которая открывает путь к истине. Она учит смотреть глазами Бога, то есть смещать точку зрения. И если научиться это делать, можно избавить мир от страданий, а собственную душу – от пустоты и боли.

– Есть и другие способы стать счастливыми на этой земле – просто соблюдать законы...

– У нас все в рамках Уголовного кодекса! – воскликнула я. – Но это не означает...

– Олесь, ты никогда не даешь договорить, – Инга, видимо, из вежливости захотела позволить ему завершить мысль. – Дамир, о каких законах ты говоришь?

Я смутилась, опять достала зеркало, чтобы чем-то себя за-

нять, пока они будут общаться, в противном случае я могу опять все испортить. Дамир продолжал:

– Есть законы белых ангелов и законы черных сил. Главный вопрос – какие из них ведут к процветанию и развитию личности?

– Есть только один Бог. Несмотря на то что одни верят в Будду, другие в Аллаха, третьи поклоняются Христу, Бог один, есть только разные заместники, – Инга не ответила на его вопрос, но он словно и не ждал ответа.

– Да, Бог один. Но Князя – два. Давным-давно на нашу Землю пришли Высокие духи, их прислали из Космоса, чтобы они ускорили эволюцию человечества. Среди них был и Люцифер. И хотя он не был высшим среди своих собратьев, именно ему по космическим законам назначено было стать хозяином Земли. Став хозяином, он решил вести человечество своим путем.

– И он убедил человечество, что главное – это земная жизнь, что дальше, за гранью, ничего нет... И тогда человек стал бояться и держаться за свое земное существование. – Инга явно больше моего знала об истории человечества. Я со своим суфизмом отходила на второй план. – А ведь ему говорили: «К чему одна земля, когда есть все миры?».

– Да, он был гордым и возревновал к Белым братьям, которые говорили о мироздании, пока он превозносил Землю, – повествовал Дамир.

– Получается, что он пошел против законов эволюции, по-

тому что захотел обособить Землю и остановить вечное движение Космоса...

– Какая-то психология феодала! – подала я голос со своей «галерки».

Меня словно не принимали в игру, как в пионерском лагере, и это было обидно. А Инга упорно стояла на стороне «светлых»:

– Восстание Люцифера породило сопротивление Светлых сил, которые хотели спасти человечество. И все, что появилось на Земле после него, – ислам, учение Христа, буддизм, – только для того, чтобы бороться с темными силами, оберегая человечество...

– Вопрос, кто сильнее? Если бы Бог мог это сделать, на Земле не осталось бы униженных и оскорбленных, бедных и больных... Не было бы изнасилований детей и убийств. Почему он такой могущественный и не может этого? – Дамир не уступал в теософском споре.

– Это псевдовопрос! – Я снова была в игре. – Я вообще не исключаю, что все это – не более чем легенда!

– Победа Князя тьмы в том, что он сумел внушить людям, что его не существует, – Дамир улыбнулся, потому что ему казалось, что он выиграл спор. Это была не простая улыбка, в которой чувствовалась сила особого знания.

Под столом я случайно коснулась его ноги. Извинилась.

– Не стоит извиняться, мне понравилось...

– Ну... друзья... кажется, мне пора... – Инга как-то слиш-

ком спешно засобиравалась, как будто ей стал неприятен весь этот разговор или она отказывалась присутствовать при зарождении моего нового романа. Ей и так нередко приходится терпеть мои слезы, когда надежда на лучшую долю оборачивается утраченными иллюзиями. Мы с ней были влюблены по очереди в одного мужчину. Мы предупреждали друг друга о подводных камнях, но никогда не делали выводов не только из чужих, но даже из своих ошибок, оставив юношеское восприятие жизни и повадки «девушек на выданье».

Я проводила ее на улицу.

– Как тебе Дамир?

– Внешне он симпатяга. Но все эти разговоры – извини, не для меня.

– Ты же тоже любишь мистическое...

– Любила... когда-то... Но это увлечение дорого мне обошлось...

– О чем ты?

– Олеся, это твоя история. Если тебя тянет к мистике, тогда возвращайся к нему. А я наелась уже...

Я знала, без подробностей, что у нее была какая-то странная история, но здесь почувствовала некоторую агрессию. Может, это чисто женская ревность? Мне не хотелось спорить с ней. Меня ждал Дамир.

– У тебя очень умная подруга. Когда она почувствовала, что нас нужно оставить вдвоем, она ушла, – очередной «правильно подобранный» комплимент был «отгружен» в адрес

Инги.

Мы попросили счет и выбрались из подвала в вечерний июль. Я впервые за много лет почувствовала аромат усталого перегретого за день города, который снимал суетное платье.

Я хотела бросить цветы на заднее сиденье автомобиля, но прежде коснулась щекой нежных, чуть потерявших упругость бутонов. Меня как-то пошатнуло, словно асфальт изменил угол наклона под влиянием сильнейшего тектонического движения. Я чувствую их запах?! Я уже много лет не различаю и не чувствую ароматов, даже собственных духов, поэтому пользуюсь только одной-единственной маркой, которую покупаю три раза в год в дюти-фри разных аэропортов. Иногда мне казалось, что чувствую «фантомный» аромат – потому что точно помнила, как они должны пахнуть.

С присущим мне мрачным юмором, маленький шрам у виска я называю «ранением на колчаковских фронтах», а саму историю много лет стараюсь забыть. Во время одной предвыборной кампании под машину моего кандидата подложили взрывное устройство. Я ехала на машине сопровождения, когда раздался взрыв. От его «Мерседеса» осталось только погнутое шасси. Все, кто сидел в моей машине, получили легкую контузию. Я подумала о том, что перед выездом он предлагал сесть в его автомобиль, кажется, обсудить текст речи.

Помню, меня потрянуло, лобовое стекло лопнуло и раз-

летелось по салону. Я вышла из больницы месяца через два. Восстановила большинство жизненно важных функций, в том числе мыслительные и рефлекслирующие процессы. Но с тех пор я слабо различала вкус пищи и совсем не чувствовала запахов. В ресторанах я всегда ориентировалась на подруг – что они заказывали, то же брала и я. Периодически справлялась: вкусна ли сегодня форель?

По сути, мне было все равно, что употреблять в качестве пищи, она превратилась для меня в набор жиров и углеводов, взвешенных в калориях. Наверное, поэтому я перестала любить цветы – они мне напоминали, что я никогда не почувствую их благоухания.

– Дамир, я чувствую, как пахнут розы! Я несколько лет не чувствовала запахов, это со мной после тяжелой аварии... Или мне показалось?.. Нет, я чувствую запах твоих сигарет. Мне нравится он. А в этом доме на первом этаже пекут хлеб. – Я как ребенок словно заново познавала мир, его волнующие и немного тревожные запахи и вместе с тем выхлопы проезжающих автомобилей, немывтое тело бездомного, возле которого стояла консервная банка для подношений.

Я приблизилась к нему, достала из кармана горстку монет и под влиянием момента абсолютного счастья хотела бросить мелочь в жестянку. Но Дамир остановил меня:

– Никогда не подавай таким людям. Ты губишь не только их, но и себя.

В своей эйфории от обретения какого-то по счету (третье-

го или четвертого?), но очень важного чувства я не обратила внимания на эти слова.

«В ворота радости входи осторожно», – почему-то я вспомнила слова, которые часто повторял при жизни мой отец. Был он человеком не суеверным, но никогда не любил ажиотажа и лишних эмоций. А у меня это наследственно по материнской линии – детская радость открытий, которые встречались мне практически на каждом шагу.

Танец «Пробуждение»

«Дорога в Багдад» – музыка сфер, навеянная иранской или персидской традицией. Азали замерла, словно в ожидании. Чутьочку дрогнули пальцы. Руки ожили, будто разбуженные волной. Стан изогнулся, словно цветок тянется к солнцу, впитывая каждую частичку тепла. Музыка становится громче и тревожней, бедра, обернутые шелком, вздрагивают и застывают в вибрации, излучаемой музыкой.

Легкий шаг назад и чуть больше вперед. Робкое движение, которое становится все более и более уверенным. Босая нога ступает по земле, как будто впервые, словно Русалочка в сказке пробует колючую твердь. Первые шаги приносят боль, тебе, проснувшейся, придется идти, преодолевая боль в каждом шаге.

Солнце восходит над горизонтом, Азали протягивает руки к еще розовому диску, словно зовет его к себе или просит о чем-то. Кружится в танце и боль уходит. Приходит радость, радость пробуждения.

Она играет с солнечным лучом, перебирая его в ладонях и обвиваясь всем телом вокруг него и соединяясь с ним. Тонкие руки скользят по поверхности луча, и он словно отвечает ей, лаская плечи и маленькую грудь.

В ее руках большое Солнце, которое она приносит в мир. Она боится обжечься, но еще больше боится уронить. Солн-

це как воздушный шар, отпускает в небо. Лицо обращено ввысь, ладони приблизила к груди, словно младенец на руках, которому только предстоит проснуться для новой и светлой жизни.

Глава 3. Надежда

Он впервые играл при мне высокую классику, я и был потрясен, как при виде картин Боннара; хоть и по-иному, но не менее сильно. В нем возобладало человеческое. Слушая, я понимал, что в этот миг ни в коем случае не хотел бы оказаться в другом месте, что переживаемое теперь оправдывает все, что я здесь вытерпел, ибо терпел я для того лишь, чтобы прийти и сегодня. Кончис, рассказывая, как прибыл в Бурани, упомянул о встрече с будущим, о точке поворота. Сейчас я чувствовал то же, что он тогда; новый виток самосознания, уверенность, что эти душа и тело с их достоинствами и пороками пребудут со мной всегда, и нет ни выхода, ни выбора. ДЖОН ФАУЛЗ. ВОЛХВ

Первая ночь

Мы шли по Тверской, и наши руки иногда соприкасались. Глаза встречались, улыбка зеркальная – у меня и у него. Он взял меня за руку. Руки не отняла – как будто так было много, много раз раньше. Я сняла туфли с высоченными каблуками, и мы стали почти одного роста.

– Я так давно не ходил пешком по ночному центру Москвы.

– А я никогда не ходила по центру Москвы босиком!

– Если честно... Когда мы договорились о встрече, я думал, что мы просто попьем кофе, поболтаем и расстанемся. А сейчас... я совсем не хочу расставаться. Я бы вот так всю ночь бродил по городу, заходил во все кафе и пил с тобой кофе.

– А что нам мешает? У нас впереди вся ночь. Я чувствовала аромат кофе с корицей, запах ванили в латте, мне кружили голову такие новые для меня ощущения.

– Наверное, это и называется вкус к жизни – когда ты вдруг ощущаешь все грани тактильно, на слух, на вкус... Различаешь запахи – свежего хлеба, шоколада, французского вина...

– Может, ты и раньше чувствовала запахи, просто не обращала на это внимания?

– Дамир, я ходила по врачам, но они не могли сказать ничего вразумительного. Говорили, что нервное. У меня ведь очень нервная работа, полная стрессов – я организатор. Организатор массовых мероприятий, организатор политических кампаний.

– Ты разбираешься в политике?

– Нет конечно! Но это не мешает мне выстраивать работу в любом регионе, делать любые старт-апы и проекты «под ключ» и разруливать любые кризисные ситуации. Я работаю с министрами, рейдерами, западными светилами и отечественными отбросами... Ведь все дело в правильном под-

боре нужного ресурса – временного, человеческого и контроль тайминга. Прости, меня иногда заносит в профессиональный сленг.

– Мне, наверное, придется узнать много новых слов. Но я готов учиться у тебя.

Меня подкупал его неподдельный интерес к моей работе, ко всему, что меня увлекает и составляет разные грани моего существования. С одной стороны, это внимание было лестно, с другой – стимулировало меня рассказывать всё больше и больше о составных частях моего мира: о бизнесе, отношениях между людьми, моих профессиональных технологиях и сугубо личных тайнах.

– Дамир, прости, но мы, пиарщики, все говорим на нашем «птичьем языке», вводя в транс клиентов с помощью малознакомых и подчас малозначимых слов. – Я извинялась за все эти «стар-апы» и «тайминги». – Я постараюсь говорить в рамках общеупотребимой лексики. А то ты действительно перестанешь понимать меня.

– А в чем суть твоей работы?

– Да шаманим мы, – я хитро прищурилась. – С общественным мнением, со смыслами, с ментальными стереотипами... Ой, опять перешла на сленг! Я неисправима.

– Да ладно, я давно общаюсь с четой Брусникиных, они тоже говорят на этом птичьем языке, и уже привык.

– А они твои близкие друзья?

– Можно так сказать. Ведь они были единственные, кто

пришел на мой день рождения. Или, может, я позвал только их... Я родился двадцать второго июня, на границе Близнецов и Рака.

– Ты шутишь!

– Нет, не шучу и даже почти не вру.

– Но я тоже родилась двадцать второго июня. На границе Близнецов и Рака. В год Крысы.

– Я на год раньше. Только это мой первый день рождения. С некоторых пор я – Скорпион. И у меня другой день рождения.

– Прости, это связано с какой-то экстремальной ситуацией? – Я опять почувствовала дыхание тайны. – Я на днях общалась с человеком, который пережил восемь клинических смертей, и слава Богу, рождений на одно больше.

– Нет, все гораздо проще. Я изменил свой гороскоп. Дату рождения, год рождения. На самом деле мне двадцать девять лет, а не тридцать семь.

Идея чудодейственного омоложения за счет смены года рождения меня затронула особенно глубоко.

– А как это возможно? – Мне требовался рецепт прямо сейчас, не откладывая в долгий ящик, ибо я побаивалась начинать отношения с мужчиной, имеющим такое конкурентное преимущество передо мной, как молодость.

– Когда-нибудь расскажу.

– А я могу тоже изменить дату и год рождения?

– Если тебе разрешат это сделать.

– Ты говоришь загадками.

– Просто пока я не знаю тебя. А ты мало знаешь обо мне.

Если захочешь, я всё со временем расскажу.

– Конечно, хочу. Но я никуда не спешу. Впереди вечность...

Мне было легко с ним. Как будто мне тоже было двадцать девять или на год меньше. Мы зашли в чайный клуб, на полу были разбросаны подушки-думки и вручную связанные из лоскутов коврики. На низких, не выше ладони, столиках стояли драгоценные чаи, которые официанты в японских кимоно разливали в крошечные прозрачные чашечки. Играло трио – дудук, барабан и что-то из струнных.

Он сел на коврик, брошенный на полу. Я подтянула подушку и села рядом. Нет, не рядом, а так, как будто хотела расширить свое пространство и зафиксировать границу, слегка испуганная таким стремительным сокращением дистанции между нами.

– Садись ближе.

– Подожди. Я сейчас сяду поодаль. Потом привыкну к тебе и сяду чуточку ближе. Я как Лис в сказке Сент-Экзюпери. Каждый день я буду садиться чуточку ближе.

– Хорошо, я готов ждать. «Впереди вечность», – он с улыбкой передразнил меня.

Я старалась не смотреть на его хорошо прокачанные плечи. Он слишком сексуален, чтобы можно было ждать вечность. Но что-то притормаживало внутри. Интуиция? Ро-

бость? Желание не проиграть, как раньше, на всех досках сразу? Хочу понять, почему меня тянет к нему. Я ведь почувствовала это нечеловеческое притяжение с самого первого его звонка. И не могла понять, дело ли в глубоком, сильном, завораживающем тембре голоса, спортивной фигуре или в том, что мы удивительным образом подходим друг другу, слышим друг друга? Совпадение наших «частот» скорее настораживало, чем радовало. Так не бывает? Слишком стремительное сближение... Я должна понять его душу прежде, чем отдам ему свое тело. Так внутри себя я облакала свое решение в слова, достойные страниц французского женского романа.

– Откуда ты подцепила эту фразочку – про вечность?

– Так, от одного знакомого, почитателя Будды. Он ухаживал за мной две недели. Две недели мы встречались каждый вечер и расставались только по утрам. Мы говорили и не могли наговориться. Мы не могли расстаться, и только эти слова позволяли нам оторваться друг от друга. «Впереди вечность». Мы даже не касались друг друга, как будто боясь физическим воздействием убить тонкое «тело» наших нежных отношений.

– А что случилось через две недели?

– Ничего. Я, наконец, решила пригласить его домой. От волнения выпила бутылку шампанского и призналась, что однажды меня позвали на презентацию мужского стриптиза в клубе «Нирвана» и я пошла.

– И что?

– Он разочаровался во мне и сбежал. Больше я его не видела.

– А что такого, подумаешь, стриптиз...

– Не хочу повторять ошибок и вываливать тебе черные страницы своей биографии, но я приняла участие в конкурсе «Леди Нирвана» и выиграла его. То есть почти выиграла, потому что первый приз уступила какой-то даме, которая была спонсором вечеринки. Но в последнем туре конкурса я была явно впереди ее на полтора корпуса, как говорят на ипподроме.

– И что же было в этом последнем туре?

– Я не буду рассказывать. Пусть это останется моей тайной.

Нирвана

Дамир явно хотел продолжения. Будучи неплохим рассказчиком, опять же – журналистка в прошлом, – я сумела заинтриговать его одним заголовком и лидер-абзацем. Он был невероятно мил и располагал к откровенности. Сопротивлялась я не долго:

– В последнем туре конкурса «Леди Нирвана» мне надо было зайти в аквариум с водой, в котором сидел мулат в одних трусах, и намылить его гелем для душа. Кто больше пены оставит на своем партнере, тот и выиграет. В финале осталось две пары. Эта барышня, спонсор мероприятия, с отвисшим бюстом и столь же отвисшим животом. И я со своим «шоколадным зайцем». «Аниматор» -ведущий, который уверенно вел ее к победе, давая авансом очки в каждом туре, был похож на Андрея Малахова, звезду скандальных токшоу на Первом канале, по скорости воспроизводства бреда в устной форме. Он дал мне первой войти в клетку с тигром, точнее, стеклянный аквариум в центре зала, с потолка которого падала вода. Первопроходцам труднее, особенно когда плохо понимаешь правила игры. Я была в дорогом костюме и галстукe – в то время это был писк моды. А здесь выглядело как своеобразный S&M-кич. Я колебалась минуту – войти в воду в костюме и в галстукe? Убить наповал обывателей, избавившись от лишних «понтов»? Или сойти с дистанции?

Я выбрала второе. За несколько секунд, быстрее, чем принимала решение, я стащила с себя одежду, оставив только бикини, и вошла за стекло. Я почувствовала одну из самых потрясающих пауз в своей жизни – псевдо-Малахов замолк, словно у него пропал дар речи, точнее, забарахлил тот самый орган воспроизводства бреда в промышленных масштабах. Он не сразу овладел собой и подзатынул выход общественности из шока. Коснувшись этого шоколадного мальчика и увидев, как гель растекается по его плечам и груди, я выронила флакон. Я провела ладонью по этому прекрасному черному телу. Он тоже дотронулся до меня, словно познавая на ощупь. Он был поражен не меньше, чем квази-Малахов... Через мгновение не стало зала, все остались там, за стеклом, а здесь были только Он и Я. Черное и белое, безумное в охватившей нас страсти. Нас отделяли друг от друга только стринги – белые на нем, черные на мне. Мы прикасались друг к другу, как трогают струны на арфе, ожидая вибрации. Я слышала пульсацию арабской музыки в зале. Я не слышала, что говорил в микрофон наш Судия. Да и мог ли кто-то судить нас? Это был танец страсти. Только танец. Космос и вечность в одном флаконе геля для душа. Мнимая доступность и невозможность обладания заставляла нас теснее смыкать объятия, а публичность этого акта возбуждала нас сильнее самого мощного афродизиака... Но тут микрофон прохрипел: «ВСЕ, ХВАТИТ, ВАШЕ ВРЕМЯ ИСТЕКЛО»... Я выскочила из стеклянного куба за занавеску, мне передали

полотенце, одежду, я быстро облачилась в костюм, завязала галстук, не чувствуя пальцев. Сознание еще не пришло ко мне. Вернулась в зал. Я ждала аплодисментов? Меня встретили звенящим молчанием. Еще одна наивысшая по звучанию пауза в моей жизни, настоящий нокдаун для хорошо декорированной морали. Не забывай, это был стриптиз-клуб!

Я увлеклась пламенными воспоминаниями и самим рассказом и в этой жажде самовыражения практически забыла об осторожности. А ведь я второй раз наступаю на грабли, демонстрируя своему мужчине пагубность своей натуры. Но остановиться уже была не в силах...

– А тем временем барышня с живото-бюстом, намалив мочалку, яростно забрасывала пышной пеной своего белого партнера. Она делала то, что, собственно, и положено делать по условиям конкурса – она НАМЫЛИВАЛА его. Когда ее объявляли победительницей, зал возмущенно завыл. Наконец-то его проняла великая сила искусства! Они хотели зрелищ и были готовы платить своими голосами за то ЗРЕЛИЩЕ, которое подарили им Белая и Черный. Но мне не хватило процента голосов, и абонемент в «Нирвану» – главный приз конкурса ушел из моих рук. Я не минуты не жалела об этом. Я уже поняла, что такое «моя нирвана», мне было достаточно...

...Теперь я часто говорю эти слова: «Впереди вечность», понимая, что доступно лишь мгновение. Такая игра слов... – Я была уверена, что после моей откровенности я получу еще

одного мужчину, который не готов принять «двойственности» моей души. Но он не оправдал моих ожиданий.

– Ты просто очень чувственная женщина. Я понял это еще по фотографии. Я... давно... искал такую...

– Как тебе удастся сказать именно те слова, которые хочет слышать женщина?

– А что женщина еще хочет, помимо слов?

– Еще кофе, – голос немного дрогнул, но приличия были соблюдены.

– А что еще?

– Я... знаешь... Хочу отправиться в Космос. Но не на ракете. Я просто давно искала спутника, чтобы совершить это невероятное путешествие. Может, это ты?

– Я готов пройти предполетную подготовку. И если ты выберешь меня, значит, мы отправимся к звездам вместе.

Мы расстались почти на рассвете. Он посадил меня в машину и пошел ловить такси для себя. Я пыталась понять, почему я так хочу лететь в Космос с этим мужчиной? Наверное, потому что мы оба сумасшедшие? Это диагноз и это причина.

Когда я доехала до дома, коммуникатор подал голос – в эс-эмэс-почте лежало письмо... *«Я чувствую, что с момента внезапного появления всей тебя в моей жизни, такой, как я тебя узрил сегодня, трогал, ощущал... моя жизнь начинает кардинально и серьезно меняться, береги себя, котенок, ты мне очень нужна».*

Еще один шаг

«Доброе утро, котенок. Надеюсь, тебе снились сладкие сны? Сегодня хочу тебя увидеть. Это возможно?».

«На Тверской, в девять. Я буду в серебристом скафандре и шлеме. Ты узнаешь меня из тысячи».

«Мы отправляемся сегодня?».

«Нет, мы только проходим предполетную подготовку».

Я приехала на несколько минут раньше, припарковала машину и направилась к выходу из метро. Прямо навстречу вышел Дамир. Он схватил меня в охапку и закружил.

– Отпусти, «чижолоя я, Григорий»! – Я пыталась вырваться, но это было нелегко. Он очень, очень сильный.

– Стой здесь, я буду через секунду!

И он через всю Тверскую наперерез бросился к цветочной палатке. Я с ужасом смотрела, как тормозят машины, тщетно пытаясь силой взгляда остановить стадо железных коней и оставить его в живых.

Он вернулся с огромным букетом роз.

– Еще вчерашние не завяли, а ты уже новые покупаешь!

– Я буду каждый день покупать тебе цветы. Он поцеловал меня в щеку, но уже чуточку ближе, чем в прошлый раз, к уголку губ. Мы словно случайно соприкоснулись телами, на мгновение дольше, чем положено при случайном столкновении.

– Как прошел день?

Я уже привыкла, что Дамир интересуется всем происходящим со мной.

– Отлично, сегодня подали документы на тендер для одного министерства. Судя по всему, у нас лучшее предложение. У меня огромные шансы выиграть конкурс и заключить контракт на миллион!

– Нет ничего проще, ведь ты со мной! Хочешь, я сделаю так, чтобы ты выигрывала все конкурсы?

– А я и так в этом году выиграла все конкурсы, ну кроме тех, где результат был известен заранее.

– А зачем тогда участвовать? – удивился Дамир.

– Так, на удачу. Всегда верю в случайный фарт.

– Удачи не бывает. Все предопределено. И не всегда – конкурсной комиссией.

– А воля? Разве человеческая воля не может влиять на судьбу?

– Воля конкретного человека – нет. А вот воля тех, кто за ним стоит, конечно.

Кто может стоять за человеком, то есть за мной? Мой нынешний босс, лучший политтехнолог всех времен и народов Сергей Громов? Или его высокие покровители в Совете Федерации или даже выше? В нашей политпиаровской тусовке говорят, когда Громов и Градова работают вместе, они высекают молнии... Вероятно, он знает о моем бизнесе больше, чем мне бы хотелось. Брусникин, видимо, треплется почему

зря и на каждом углу.

Вообще я не люблю разговаривать с мужчинами о работе, о конкурсах и миллионах. У нас, как правило, есть более приятные темы для общения. Например, обо мне, о моих губах, зеленых кошачьих глазах. Об этом я готова слушать вечно... Здесь моя откровенность была скорее исключением. Просто его **ДЕЙСТВИТЕЛЬНО** интересовала я и всё, что со мной связано. Так бывает, думала я. В одной из миллиона случайностей.

– Для тебя важно побеждать в этих конкурсах?

– Конечно.

– Это приносит тебе деньги?

– Нет, лично мне не приносит. А моей конторе – да. Для меня это как компьютерная игра – переход с одного уровня на другой, я должна собрать все золото, нефть и самый главный приз – это черная зависть коллег, которые не могут понять, как блондинка с моими ногами способна быть великолепным топ-менеджером.

– Ой, и любишь ты себя, Градова!

– Да кто ж нас еще полюбит-то, кроме нас самих? – Я опять напропалую кокетничала и хвасталась.

– Я могу помогать тебе в бизнесе, – это прозвучало как заманчивое предложение. – Может, для этого мы и встретились, чтобы ты помогала мне, а я – тебе.

Мы сели за столик и заказали суши. Впервые за несколько лет, уже обретя обоняние и вкус к принимаемым яствам, я

поняла, что суши – это невероятная гадость. Как я могла их есть по пять раз на неделе?

– Дамир, я даже не представляла, какая гадость – эта ваша сырая рыба!

– Хочешь, пойдем в другой ресторан?

Но я немедленно смягчилась, приняв один из любимых образов в моем арсенале – категорической покорности:

– Мне не важно ЧТО, важно – С КЕМ...

Он опять подыграл мне:

– Все-таки ты актриса. И ты мне все больше и больше нравишься.

Лучше уж я перейду к беседам на деловую тему. А то сорвется что-нибудь неподобающее и жалкое типа «И ТЫ. МНЕ. ТОЖЕ».

– Знаешь, бизнес для меня не самое главное... Я давно разочаровалась в обладании деньгами. Они не приносят того, чего я ожидала от них. Не делают меня счастливой.

– А что делает?

– Можно, я пока не буду об этом говорить? Я помнила басню про ворону и сыр. Быстро же уволокла хитрая лисица кусочек итальянской горгонзолы! Признаваться в таком малознакомому мужчине? Не исключено, что это сработает хлеще стриптиза с мулатами в клубе «Нирвана». Но он словно понял, о чем я.

– Ты читала «Фауста» Гёте?

– Я даже Пушкина читала... «Мне скучно, БЕС...».

– А если бы к тебе пришел Мефистофель, чтобы ты попросила у него?

– А я могу, в отличие от Фауста, остановить мгновение, если оно прекрасно? То есть это должно быть какое-то конечное желание? В смысле, его исполнение не повлечет за собой моей смерти, как у Гёте?..

Он не ответил. Или я не дала ему ответить.

– У меня есть мечта...

Я все-таки сделала паузу... Я вообще мало кому говорю об этом, не хочу дорисовывать штрихи к портрету неуравновешенной женщины со странностями, но я рискнула. С Дамиром я почему-то все чаще и чаще шла ва-банк. Вместо того, чтобы «смолчать и сойти за умную», я, наоборот, выплескивала на него эти лишние «штрихи». С одной стороны, это давало мне долгожданное чувство свободы – быть собой, другой, иной, не такой, как все, – и избавляло в дальнейшем от необходимости рисовать какой-то положительный и заурядный образ. Рассказ про «Нирвану» стал неким тестом – насколько глубоко я могу пустить этого человека в ту, темную сторону моей души, которую скрывала от всех, опасаясь, что мужчина, познав ее, в ужасе отшатнется.

– Я мечтаю писать книги. Я все время пишу маленькие рассказы в Интернете. У меня уже две тысячи читателей. Но я работаю в малом жанре. Короткие новеллы, на большее просто нет времени. А я... мечтаю... чтобы мои книги выходили бешеными тиражами, как у Джоан Роулинг.

– Что тебе надо для этого? Время?

– Не только время. Талант, вдохновение, опять же фарт...

Мне кажется, что у меня есть талант – я чувствую слово. Знаешь, это трудно объяснить, я на вкус его чувствую, в отличие от пищи, вкус которой я только сейчас начинаю воспринимать рецепторами. Я чувствую вкус фразы, звучание каждой ноты в ее аккорде. Я могу играть ею, как ювелир, занимаясь огранкой драгоценного камня. И мне это нравится.

– Если нравится, значит, ты будешь писать книги. Ты знаешь, что Мефистофель – это демон, который помогает творческим людям. И Пушкин и Гете об этом знали. Потому что Мефистофель стоял за их спиной, когда они писали свои стихи.

Мне понравился этот киношный образ. Сидит Иоганн Вольфганг фон Гете, а за его спиной – прекрасный демон с лицом Аль Пачино, нет, с лицом Кости Хабенского с благородной сединой у висков, и направляет гусиное перо... Игру моего воображения Дамир прервал одной из своих фирменных «лекций», которых я уже немало прослушала:

– Всего демонов – тринадцать. Как и апостолов. Азазель помогает ученым, Амдусциас – покровитель музыкантов, Асмодей помогает прийти во власть, Астарот, на самом деле это богиня женского полу Астарты, или Иштар, – это демон сладострастия, Бегемот – демон, пробуждающий в людях звериную дикость. Ваал, он же Вельфегор, требует кровавых жертв. Велиал – дает удачу любителям азартных игр.

Вельзевул – второй демон после собственно Люцифера, покровитель гордыни... Каждый из них имеет свою сферу «ответственности», один отвечает за деньги, другой за силу, третий за сексуальность... Если кто-нибудь из них начинает помогать человеку, тот обретает возможности, которые может дать ему «союзник».

– Прости, ты так говоришь, будто можно выбирать – деньги или секс?

– Конечно, можно.

– Но как? – Мне показалось, что Дамир знает ответ на мой вопрос, но пока не хочет делиться со мной.

И он подтвердил догадку:

– Придет время, я тебе все расскажу.

– А бывает так, что у человека несколько демонов?

– Конечно, и тогда он имеет и деньги, и обожание, и поклонение, и власть. У Пугачевой одиннадцать демонов, а у Путина – девять.

– Ты говоришь, обожание, а не Любовь?

– Любовь – это чувство белых. А демоны относятся к миру черных. Можно быть сексуальной, и к твоим ногам мужчины станут класть все блага этого мира. Но любовь с помощью демона получить нельзя.

– Тогда мне не очень интересен этот мир. Я всегда искала любовь.

– Любовь – это эмоция, а эмоции разрушают жизнь. Тот, кто любит, зависим и слаб. Он боится потерять объект сво-

ей любви. А если его бросают, он превращается в НИЧТО, в зомби, мысли которого заняты только одним – вернуть, заполнить, пользоваться единолично. Я предпочитаю партнерство, диалог на равных, понимание, взаимопомощь. Я любил, и меня бросили. Меня растерли, вышвырнули, как ненужную вещь, и пройдя через все муки ада, сделал для себя выбор – я ищу СВОЮ ЖЕНЩИНУ, но это не означает, что ЛЮБОВЬ. Я хочу иметь семью, но это не означает, что я стану собственностью или захочу превратить в собственность ЕЕ. Главное – свобода и развитие. Если мне повезет и я найду такую женщину, вместе мы перевернем этот мир.

Он говорил о том, что казалось мне логичным, правильным и честным. Но моей религией была Любовь. Языческим божеством, которому я поклонялась. Я понимала разумом, что партнерство – это более здоровая и социальная форма существования, но отказаться от романтического восприятия мира и принять отношения между мужчиной и женщиной не любовные, а «партнерские», я пока была не готова.

Более того, я хорошо помнила таблицу Теппервайна, в которой он описал симптомы Любви и Зависимости:

Зависимость препятствует индивидуальному росту – Любовь помогает развиваться вдвоем.

Зависимость – это постоянный страх потери партнера. Любовь зиждется на доверии.

Зависимый человек хочет изменить другого, а влюбленный принимает его таким, как есть...

Любовь живет настоящим и открыта для будущего...

У меня на любой случай припасена теория, цитата, учение, таблица, но это ни разу не сослужило доброй службы. Дамир как-то по-своему трактовал эти понятия – он говорил о Любви как о Зависимости. А то, что Теппервайн называл Любовью, он приравнивал к Партнерству... Но до определенной поры я прощала ему «нестыковки».

– Ты говоришь, что любил, но тебя бросили. Ты можешь рассказать, почему?

– Хочешь поговорить об этом? – Он улыбнулся, но впервые это была совсем невеселая улыбка. – Потому, что сначала она хотела быть со мной каждую минуту, и мы оба бросили работу и не расставались несколько недель. Потом кончились деньги. И она стала говорить, что все мужики зарабатывают и покупают цацки своим женам, а я целый день не вылезаю из постели. Я начал работать день и ночь, у меня было по пятнадцать клиенток в день – массаж спины, антицеллюлитный массаж, спортивный, лечебный, энергетический... Потом я увидел, как она трахается в «Альфа-Ромео», который я подарил ей на свадьбу... Я ушел, она умоляла вернуться, говорила, что любит, что жить не сможет без меня... Я ждал несколько недель. Приехал в наш общий дом, открыл дверь своим ключом. Ко мне навстречу вышел тот самый хрен. «Ты кто?» – спросил я его. «Муж». Я бросил ключи и ушел. Ушел навсегда. Она еще звонила, что-то пы-

талась объяснить, но я предпочел не вникать. Она сказала, что у меня не будет женщины лучше ее. НИКОГДА. А она была ведьмой, возможно, она знала, о чем говорила...

Я видела, что он испытывает почти физическую боль. Хотя прошло достаточно времени, чтобы отболело. Обида. Мужчины не могут быть нелюбимыми. Они глубже, чем женщины, переживают измены. Мы чувствуем, что нас разлюбили. Они чувствуют, что его любимую трахает другой. Это принципиально разная БОЛЬ. Не исключаю, что от одного этого можно свихнуться. Конечно же, она ведьма – как она могла бросить моего милого умного Дамира? Просто она ведьма, и этим все сказано.

– Знаешь, я не хочу, чтобы твое или мое прошлое мешало нам получать удовольствие от того, что за окном июль, на столе вкусное вино, твоя ладонь в моей руке. – Он нежно коснулся губами кончика моего носа. – Мне нравится, как ты улыбаешься, я хочу все время видеть твою улыбку.

Я опять посмотрела в зеркальце. Я действительно все время улыбаюсь...

– А ты знаешь, что зеркало – это изобретение дьявола?

– Как это?

– Зеркало – это символ привязанности к своей личности. Он считал, что человека нельзя оставлять в одиночестве, и подарил ему свое отражение...

Зачем я воспроизвожу все наши диалоги? Потому что давно не говорила с мужчинами о чувствах, о прошлом и бу-

душем, их никогда не интересовал мой внутренний мир, да и сама старалась меньше знать о них.

Мои подружки шарились по карманам, залезали в мобильник в поисках компромата, просто чтобы ЗНАТЬ. Они никогда не пускали в ход добытые незаконным способом улики – чтобы не дать повода для разрыва. Они хотели знать, чтобы предотвратить катастрофу и не позволить ввести себя в заблуждение. Я же не хотела знать, чтобы позволить мужчине казаться таким, каким он хочет, – так проще.

Но с Дамиром было иначе. Мы познавали друг друга глубже и глубже, ныряя в скрытые от чужих глаз лабиринты, держась за руки и помогая друг другу обходить острые углы. Наверное, так бывает в жизни, когда двое, пройдя через Преисподнюю поруганной любви и нечеловеческих мук одиночества, вдруг находят того, рядом с кем можно не бояться снять хитиновый панцирь, довериться, допустить очень, очень близко – к самому центру своей Вселенной.

Мы шатались по Покровке, Мясницкой, Дмитровке. Вечерний город принимал нас, как дом, который соскучился по шумным гостям. Его глаза светились. Я смотрела в него как в зеркало, и мне казалось, что мои глаза излучают такой же свет.

Навстречу шли две девушки – лет по двадцать, не более... Одна из них сказала: «Смотри, какая красивая пара!» Он посмотрел на меня и еще сильнее сжал мою ладонь.

– А ведь это правда?

– Просто мы с тобой выйдем как подростки, тебе не кажется?

– А мне всегда говорили, что я не повзрелею.

– Точно, и Брусникин так говорил: «Дамир – большой ребенок».

– А что еще говорил тебе Брусникин?

– Что ты очень хороший массажист. Что ты хороший друг. Что ты бывший мусульманин. А вообще мне почему-то показалось, что он словно извиняется передо мной. Как бы заискивает. Как будто он заинтересован, чтобы мы с тобой познакомились.

– Конечно, он ревнует ко мне свою жену. Он даже провожает ее, когда Нина приходит ко мне на массаж. А если он познакомил со мной тебя, то вроде теперь можно быть спокойным – если мы будем встречаться, значит, между мной и Ниной ничего нет. Банальная проверка «на вшивость».

Мы опять расстались возле моей машины, которая вновь была полна ароматом роз. Он обнял меня – в этот раз немного более интимно, я опять почувствовала хорошо накачанную грудь под майкой.

«Ты озарила мою жизнь своим появлением. Котенок, мне тебя уже реально не хватает. Я благодарен Интернету за то, что я встретил тебя. Когда мы не видимся, мне кажется, что я пропускаю важные страницы в любимой книге». Я засыпала с очередной его эсэмэской.

Танец надежды

– Ты должна отключить голову. Пока ты думаешь, как выполнять движения, ты не танцуешь. Отдайся музыке, подчинись ей, наполни вибрацией каждую клетку тела. – Азали не просит, а требует, видя мою сегодняшнюю погруженность в себя. – Взмах, поворот, голову выше, к небу! Ты все время смотришь вниз, как будто боишься оступить. Поверь в себя. Забудь, что ты стоишь на земле, как птица оторвись. Лети, поймай поток ветра!

Музыка замирает, потом опять учащается барабанный пульс.

– Медленнее. Плети, как кружево, танец, петля к петле, маленькие, большие стежки. Кружись. Быстрее, еще быстрее! Так закручивается спираль жизни, и ты уже не можешь остановиться. Иди навстречу мечте, верь и надейся, и не бойся ничего. Откройся своему чувству. Пусть смывает потоком все, что может ему помешать.

Азали подходит ко мне, касаясь спины между лопатками.
«Почувствуй – они здесь, твои крылья, расправь их и взлетай!»

Я вижу в ней птицу, вижу ангела, который спустился ко мне на землю, чтобы рассказать о том, что есть надежда... Я опускаюсь на колени, благодарно складывая руки. Спасибо, Господи, что ты даешь силы дышать, любить, танцевать...

Самиздат

Утром я поехала в больницу – уже четвертую неделю мне через день ставили капельницы. Восстановительная терапия после воспаления легких, которое я перенесла зимой на ногах. Командировки, митинги в Красноярске, каждую неделю куда-нибудь летели маленькие двухрядные «боинги» со мной на борту.

Нижний отдел, почти половина легких, в затемнениях, а я продолжаю курить по две пачки в день. Врачи обещают помочь, но я по-прежнему задыхаюсь, при глубоком вздохе резкая боль.

Как оказалось, атрофия половины легких не мешала мне жить, просто привыкаешь дышать вполсилы, чтобы не было больно. За полгода я привыкла набирать воздух в легкие небольшими порциями, как будто так и было всю жизнь. Но периодически, когда простужаюсь, начинаются хрипы в верхнем отделе, и вообще перестаю синтезировать кислород. В общем, я заплатила приличную сумму за убийственный курс антибиотиков вкупе с капельницами, и как все, что стоит больших денег, – такова была моя уверенность, – они должны были помочь.

Сестра ставит мне катетер в вену – потому что сначала закачивают озон в физрастворе, а потом делают лазерное облечение крови. Модная терапевтическая процедура, подни-

мающая иммунный статус организма. Чтобы не колоть вену дважды, ставят более толстую иглу и прикручивают ее пластырем к руке на уровне локтя. К этим «операциям» я уже привыкла, только врачи улыбаются – уже иголку вставить некуда, вены быстро приходят в негодность от постоянных проколов.

– Доктор, а я жить буду? – мрачно шучу я.

– А смысл? – как в анекдоте, отвечает мой человек в белом халате. – Будешь, будешь, мы и не таких на ноги ставим. Голова не кружится?

– Немного.

– Потерпи, осталось еще две капельницы. Меня начинало вгонять в сомнение – целый курс дорогущей терапии, а никаких изменений. При вдохе режет в груди. Но они все время говорят про какой-то «накапливающийся эффект» – то есть после одной процедуры ничего не почувствуешь. Нужно сделать курс, прежде чем станет заметно действие препаратов. Не исключено, что коммерческая клиника таким образом зарабатывает неплохие деньги. Типа курс закончен, пациент получил выписку и идет домой, ждать того самого «накапливающегося эффекта».

Мне затянули эластичным бинтом руку, я расправила рукав блузки и надела пиджак. Сегодня у меня конференция по информационной безопасности, надо успеть. Я засунула в прорезь автомата для кофе четыре монетки и нажала на кнопку с изображением «самый большой и крепкий».

Бурно, как стиральная машина, аппарат что-то провернул у себя внутри, выплюнул бумажный стакан, высыпал сахар и наполнил его бурой жидкостью. Потом задумался и зачем-то выплюнул и деньги. Те самые четыре пятирублевые монеты, которые я скормила ему пару минут назад.

«Вектор удачи поменялся!» – это мой личный слоган для тех случаев, когда внезапно какая-нибудь сложная ситуация разрешалась или мне неожиданно везло.

Уборщица посмотрела на меня подозрительно, впрочем, я уже начала привыкать, что люди как-то странно «обнюхивают» меня, как будто я сделана из другого материала или прилетела с другой планеты. Наверное, раньше я бы воровато вытащила из ящичка для сдачи монеты и поспешила спрятать добычу, но тут я сделала вид, что так я поступаю всегда. Хорошо, что на дворе двадцать первый век, а то из-за доноса этой великодушной женщины со шваброй меня могли бы сжечь на костре по приговору святой инквизиции.

Я успела на второй доклад конференции. Думаю, первый был такой же скучный – говорили о конфиденциальной информации и способах ее сохранности. Нельзя пользоваться флешками, отправлять мэйлы, выносить из офиса документы и печатать их на «общественном» принтере. Всюду могут быть враги. В общем, только так я, не страдая манией преследования, и обращалась с конфиденциальными бумагами. Более того, нередко оставляла их в ресторане по итогам деловых переговоров с клиентом. Возвращаясь через добрых

пару часов, пыталась понять по глумливым лицам официантов, успели ли они сделать копии и отправить их в какие-нибудь правоохранительные органы или продать конкурентам за баснословные комиссионные.

Во время фуршета столкнулась с Брусникиным. Он явно ко мне потеплел и норовил затронуть личные темы.

– Ну как, вы встречались с Дамиром?

– Да. Мне он показался интересным.

– Неужели? – Вроде как удивился.

– Да, у нас много общих тем, мы поедем с ним в следующем году в Непал, и в целом я очень благодарна вам за весьма ценное знакомство.

Он как-то озадачился и готовил новые аргументы.

– А ты знаешь, что он черный маг?

– Ну... начала догадываться, – хотя к таким категоричным выводам я еще не приходила. – Он это серьезно?

– Не думаю, просто очень увлекающийся человек. Пока он чем-то увлекается, это серьезно. А так – у него все достаточно поверхностно.

Брусникин был человеком по-настоящему умным, то есть обладал энциклопедическими познаниями, эрудицией и высоким IQ. Для него поверхностными казались любые знания, поскольку сам он изучал любой вопрос досконально и, как выпускник философского факультета МГУ, обладал серьезным багажом разного рода полезных сведений. Я с ним частенько консультировалась, несмотря на то, что он смотрел

на меня свысока. Я не гордая, когда мне нужно решение, я готова задействовать любой ресурс, даже великолепный мозг Вадима Брусникина...

Вернувшись в офис, я быстро расправилась с нападавшими в электронный ящик письмами, сделала несколько звонков, раздала поручения и назначила сроки. Все было в соответствии с «таймингом». Как обычно.

Открыла Яндекс и набрала в поисковой строке ключевые слова «Черная магия». Объявления, сайты магических салонов. «Приворот 100%. Заговор на удачу... Вы чувствуете, что Вы перестали управлять своей судьбой, удача отвернулась от Вас, Вы потеряли любовь и надежду. Мы поможем Вам...» Весь этот мусор заполнял интернет, а значит, мысли и души людей, которые уже ни во что не верят, кроме как в какую-то сомнительную помощь извне.

Я искала другое. Изменила запрос. «Черный маг, страх, манипуляция». И практически сразу нашлось то, что нужно. Точнее, я не совсем понимала, что ищу, и какой-то конечной цели не преследовала. Просто мне надо было изучить предмет.

Признаюсь, я ничего не знала и никогда не хотела знать про магов. Более того, я даже не представляла, что они бывают черными, белыми или то, что они вообще существуют. Но это моя привычка – сталкиваясь с неизвестным мне понятием или явлением, обращаться к Всемирному разуму и искать в интернете ответы. Мой вопрос, который я еще

не сформулировала для себя, но он уже начинал вибрировать где-то на уровне подсознания, – ПОЧЕМУ Я БОЮСЬ?

Это был немного странный документ, датированный 1980 годом, – инструкция по технике безопасности при общении с магами, «Блеск и Нищета магов», так называемый самиздат. Инструкция содержала довольно профессиональную лексику, и это подтверждало, что ее автор не относился к «мракобесам», которые пишут и говорят о магии, а скорее, создавал некий реферат на заданную тему.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.